

АНТОН КУЧЕВСКИЙ

Такая разная тьма

Антон Кучевский

Такая разная тьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349483

ISBN 9785448590030

Аннотация

Беда не приходит одна, а на каждое зло всегда найдется... еще большее зло. Новая эпоха грядет – вот только в океан она пришла не с самыми добрыми намерениями. В то время как Пираты Морской Ведьмы сталкиваются с противником, превосходящим их по всем статьям, выживание становится первоочередной задачей. Как-никак, речь идет об океане Оси, и кораблю требуется ремонт, а также нечто, способное говорить на равных с опаснейшим оружием. Куда только не попадешь, чтоб добыть искомое...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Ложный паралич	6
Глава 2. Родственные связи	23
Глава 3. Дым на горизонте	43
Глава 4. Раскаты грома	62
Глава 5. Эмбарк	80
Глава 6. Ажой Бо Скаррав	99
Глава 7. Некоторые незначительные детали	116
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Такая разная тьма

Антон Кучевский

Дизайнер обложки Антон Ярославович Кучевский

Иллюстратор Антон Ярославович Кучевский

© Антон Кучевский, 2017

© Антон Ярославович Кучевский, дизайн обложки, 2017

© Антон Ярославович Кучевский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9003-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Ложный паралич

Мимо замка, по дороге, размякшей после недавних дождей, едет добрый молодец на игреневом коне. Странствующий рыцарь, стало быть. Латный доспех начищен, аж сияет, у бедра меч, возле седла щит пристегнут с гербом витиеватым. Я сижу у окна и жду, пока не поравняется со мной. Улыбнусь приветливо, конь с копыт – брык, молодец с коня – шмяк, да и удирать оба. Потому что пугающие легенды ходят о красоте леди Беккенбергской, а еще различные темные слухи и страшные сказки.

Что? Развлечений здесь больше нет. Когда добрейший король Фастольф Первый своей милостью подарил мне земли некогда сгинувшего сэра Олеада взамен на жалкую жизнь орденского рыцаря Кноббла, я и подумать не могла, чем в итоге обернется подобная затея. От титула я сразу же отказалась. Есть у меня эдакая неприязнь к дворянству, и вытравить ее непросто. Но, приехав на место, увязла по самые уши...

С моим родом занятий получить подобное благословление непросто. Видите ли, я – пират. Более того, я капитан пиратской команды, и плакаты с моим страшным лицом разной степени достоверности можно найти в доброй половине стран мира. Одним из немногих исключений стал Рид Ойлем, где мы долгое время сбывали награбленное.

Несколько месяцев назад меня пригласили в королевский

дворец, сообщив, что Фастольф пропал, и они, долгое время пытаясь найти его самостоятельно, совсем отчаялись. И обратились за помощью к нескольким группам наемников, а также к Морской Ведьме Тави. Очень приятно, это я.

Короля нашли, живого и почти невредимого, передав его благодарным придворным. А взамен...

Замок Беккенберг. Когда мы, купив лошадей, всей командой приехали сюда, обнаружили лишь грудку камней, отдаленно напоминавшую жилое строение. На верхних этажах чьи-то кривые, но усердные руки сделали деревянные надстройки, видимо, служащие домом и крышей. Учитывая, что хозяйничала здесь банда отребья, в наших же интересах было покончить с ними как можно быстрее. Так и сделали. Перебили всех, заодно нашли еще немного денег, которые общим решением отложили на ремонт.

Работа по восстановлению замка унесла два месяца, как осенний ветер уносит сухой лист. Теперь это конструкция цельная, в три этажа с двумя островерхими башенками, заботливо сложенная заново из светло-серого камня. Хотя и массивная, но не укрепленная: замок для длительной обороны не предназначен. Все, что здесь есть из защитных элементов – солидная входная дверь из дубовых досок толщиной в два вершка, окованная поперек и по краям тонкими полосами железа.

Сейчас я вспоминаю доводы короля и сердито думаю, что меня поймали в силки. Только кажется, что подобный пода-

рок от души щедр и дает неограниченную власть – на самом деле, владение участком земли или фьефом, как его иногда называют в южных странах, требует постоянного присутствия. И взваливает на плечи огромную ответственность, куда ж без этого.

Несколько человек из экипажа изъявили желание остаться при мне, другим я выделила земли, на которых они, распоряжаясь своей долей золота, могли заниматься чем угодно. Бывшее баронство включало в себя сто сорок семь акров плодородных земель, срединную часть реки Тиаллов, несколько скал у горы Рид и небольшой, жиденский лес. Кроме того, мне теперь принадлежали двадцать пять деревень, с которых я должна собирать налог и отправлять его часть в столицу.

За два месяца я также организовала строительство при замке небольшого поселка, а на реке приказала поставить самую настоящую верфь. Можете представить мою радость, когда старпом Джад Стефенсон после всех необходимых замеров сказал, что Тиаллов годится для передвижения морских судов. Поэтому мы перегнали сюда «Храпящий», мою трехмачтовую марсельную шхуну, и помимо простых ремесленников, пригласили нескольких корабелов из города Порта-Винс, что в Аргентау. Пока я им платила, они занимались исключительно нашим деревянным другом.

Стоит упомянуть и о таинственной базе, на которой команду со мной во главе держали в плену. После обретения

нового дома я сделала необходимые расчеты и поняла, что теперь резиденция Ордена, на которой добывали загадочное вещество, находится от нас на расстоянии чуть более четырехсот миль к северо-западу. Если по прямой считать, как птица летит. В связи с этим Фастольф за краткий срок получил множество гневных писем, указывающих, что на территории его государства без королевского разрешения Орден Нистоборцев учредил едва ли не каторгу с преступным умыслом.

Не знаю, как они решили этот вопрос, добром или угрозами, но, когда мы, изрядно соскучившись по морским волнам, вывели «Храпящего» в залив с загадочным названием Молот Теллода, то не обнаружили на старом месте ни следа тайной базы. Даже проверила, не иллюзия ли, но нет, похоже, Искатели действительно решили не рисковать добрыми отношениями с королем.

Старое ремесло мы пока задвинули в дальний угол. Денег сейчас столько, что лишь скука может снова погнать команду в рейд. Хватает и на новую одежду с утварью, и на строительство, и на то, чтоб съездить в крупные города да загулять хорошенько.

Таких имеется два – Карби к северу и Теккель в устье реки Тиаллов. Чаще всего наведываюсь именно в последний, он крупнее, там рядом море, есть кого позадирать, есть где выпить – в общем, чудесный город. А еще там величайший книжный развал, в котором иногда можно выудить настоя-

щие сокровища для мага, еще не познавшего все тайны мира.

В глаза било неожиданно яркое осеннее солнце, когда я вывела из конюшни белую Разбойницу и набросила на спину седло. По статусу, мне следует кричать из верхнего окна замка «А подать-ка мне лошадь!», но конь – это почти как корабль. Сам на нем едешь, значит, сам и ухаживаешь, и седлаешь, и расседываешь, и скребком специальным вычесываешь. Почти рыцарский устав. А некоторые рыцари, как показывает мой опыт, сего благородного звания и вовсе недостойны.

Конюх боится меня, как демоны – Светлой сферы. Каждый раз хватается за обереги, но мужественно не покидает должность. Я его не слишком жалую, но вынуждена признать, что причина у него имеется, и не одна.

У меня длинные треугольные уши, торчащие в разные стороны, серая кожа, желтые глаза медового оттенка и отменная зубастая пасть, тонкогубая и широкая. Клыки и сверху, и снизу чересчур выступают наружу, а черные волосы, которые я вечно ленюсь часами расчесывать, подобно прочим замковым девам, только добавляют в облик темных красок.

А еще на спине треугольником растет черная короткая шерсть, нижним концом опускаясь между лопаток. И на руках, на тыльной стороне, небольшие пятна такого же меха – кровный подарок от матери-йрвая.

Ростом я значительно выше обычного человека – всего-то полвершка не дотягиваю до двух метров, а еще ношу,

несмотря на развитую фигуру, мужскую одежду, вечно ношу с оружием и умею колдовать.

Хотя одеяние (а порой – и униформа) морских капитанов, вне зависимости от типа корабля, слабо разнится между собой, я все так же ненавижу шляпы. Излюбленный, просоленный океаническими ветрами и водой темно-красный кафтан, надетый поверх белой рубашки и корсета из плотной кожи, крепкие штаны, хорошие, качественные сапоги. В повседневной жизни – обычный пояс с подсумками, на борту – портупоя. Мечи и различные колдовские реагенты прилагаются, так сказать.

Достаточно причин, чтоб шарахаться от леди Беккенбергской? Вполне.

Беспощадное гостеприимство соседей-аристократов мне уже давно надоело, хоть я и гостила у них под личиной юной, хорошенькой девушки. Беда в том, что мои воспоминания о грайрувском дворянстве ничуть не соответствовали местным порядкам.

Какой-нибудь захудалый виконт в столице империи всегда одет по последней моде, часто благоухает духами и следит за манерами и речью. Здесь же на застолье дворяне могли и кулаком в рожу друг другу двинуть, и чистоплотностью часто пренебрегали. Я же, несмотря на огромный запас терпения и отсутствие брезгливости, чистых людей и нелюдей люблю больше.

Даже на корабле у меня есть душ. Хоть и небольшой, он

полностью отвечает непритязательным потребностям команды. В основном, на кораблях Кихча данное помещение отсутствует – в плотный деревянный корпус и так не все получается уместить, а тут и каюты на два места, и рунный двигатель у кормы, прямо под ютом.

Ко всему прочему, «Храпящий» все еще остается парусной трехмачтовой шхуной с гафельным вооружением. Его наивысшая скорость – двадцать пять узлов при попутном ветре и работе двигателя на полную мощность, и сомневаюсь, что хоть один из кораблей этого мира способен на такое.

Разбойница шла ровно, затем я похлопала ее по боку и перешла на неспешную рысь. Не люблю шпоры и не использую их. Лошадь – животное достаточно смышленное, чтоб обучиться простым командам. Умнее некоторых матросов военного флота, во всяком случае.

Мимо проплывали редкие деревья, однако, в основном, узкая дорога – две телеги не разминутся – вела мимо золотистых полей, где дозревала основное «хлебное» растение Рид Ойлема, пагав. Крупные колосья с едва заметными снежно-белыми волосками по осени собирались и запасались в амбарах. Местечковые колдуны готовили обереги и заклинания от крыс, а из части зерна, естественно, гнали выпивку.

Между прочим, в Беккенберге есть неплохая лаборатория, где все еще получают дистиллированный спирт. Я закупаю понемногу, поскольку никогда не знаешь, где он пона-

добиться – все отвары, настойки, черт, да едва ли не четверть алхимии построена на использовании спирта!

Сами алхимики тоже немало сделали для истории спиртных напитков. Эль, пиво, вино... все эти жидкости относительно безвредны по сравнению с отшибающей мозги дрянью, которая может быть создана на основе дистиллята. Так, постепенно, некоторые распространенные зелья превращались в горячительные напитки.

Не то чтоб я сильно понимала в алхимии, однако историю ее знаю неплохо. И на практике нередко приходится пользоваться снадобьями, которые можно достать только с помощью собственной лаборатории, так что хочешь не хочешь, а учиться надо постоянно. Те из команды, что приезжают в замок, все время подшучивают, что меня ждет позорная смерть от груды упавших сверху книг. А я, можно сказать, только получила отдых.

Один Линд не подшучивает. Он лишен чувства юмора, напрочь...

Вот ирываешься между огромным хозяйством, учебой и стремлением куда-то вырваться. Благо, с первым помогает интендант – он теперь управляющий замка. Можно сказать, мажордом и коннетабль. Ведет учетные книги налогов и запасов, общается с крестьянами, последние несколько декад даже суды вершит.

Каждому – свое. Благодаря скрупулезному Сейтарру я имею возможность изредка прокатиться по округе, как сей-

час вот. Фальшивыми обликами в своем владении не пользуюсь – интендант тщательно распространяет слухи, что на мне ужасное родовое проклятие. А так как я никого не казню и к порке прибегаю редко, можно сказать, что проступкам простые люди доверяют гораздо больше, чем внешности.

Сзади послышался топот копыт. Я инстинктивно опустила руку на пояс, но все же сначала оглянулась. Несясь во весь опор и нахлестывая темного коня поводьями, меня догонял Деррек, помощник боцмана. Слегка натянув повод, я остановила Разбойницу и даже развернула ее, с недоумением смотря на парня. Чем-то он обеспокоен...

– Капитан! У нас там что-то странное творится! – вместо приветствия прокричал он. Я удивленно приподняла бровь:

– Там – это где?

– В Подлесной! Кажется, боцмана паралич разбил!

– Идем, – кивнула я и резко развернула лошадь. – Заскочим в замок, возьму сумку с ингредиентами.

Подлесная – небольшая деревенька к югу от замка, там сто человек всего живут. Странно, что Ксам избрал для себя такую глухомань. С другой стороны, такому расsvистияю плевать. Может забросать тухлыми яйцами знатного господина в столице, а может стащить крынку с молоком у бедной семьи. Хотя, к его чести, обычно уловки Рыжего пестрят вычурными сложностями.

И вот сейчас его что-то настигло... проклятье? Порчу кто-

то навел?

Никогда не снимала проклятий. Теорию знаю, благодаря терпеливым наставникам Академии, практики – шиш с маслом.

– Что с ним? – крикнула я. Пришлось перейти на галоп, поскольку Деррек не щадил свое животное.

– Припадочный какой-то. Сидели, рыбу ловили, его как скрутило! Один глаз зажмурил, второй выпучил, да одеревенел весь. Я его попытался разогнуть – да где там. Попросил односельчан присмотреть и пулей за вами, а в замке сказали, что госпожа только что изволили отъехать на прогулку...

– Странно, – сказала я, размышляя над его словами. – Не похоже на порчу. Он ничего не ел? Из того, что есть не предполагается.

– А демон его разбери, капитан. Вы ж его знаете – все тащит в пасть, а потом животом мается. Можно побыстрее?

– Говорю же, надо заехать в замок. Все инструменты и снадобья там, без них я как без рук! Твердила ему, что когда-нибудь сдохнет из-за своей идиотской привычки, осто-лоп рыжий, – вздохнула я. Растений, способных вызвать подобный эффект, я не знаю, несмотря на смелое предположение. Иметь бы под рукой опытного травника, да нет в округе таких, кроме меня. А мой опыт в использовании флоры весьма мал и во многих случаях бесполезен. – И трогал ты его зря.

– Да черта с два оно перекинется, – в сомнениях крикнул

Деррек.

– Надейся, – фыркнула я. – Графа позвали?

– Он в Теккеле. До города сутки пути, а замок рядом.

– Все равно стоило сдернуть его с насиженного места. Я гораздо лучше справляюсь с заживлением ран, чем с лечением неизвестных болезней. По крайней мере, не могу опознать ее по твоему описанию, Деррек, уж прости.

Помощник сделал пару кругов по двору, пока я рылась на полках. Пыль столбом стоит, так беспокоится. Наконец, вытащив на горбу увесистый мешок, я привязала его к седлу и одним движением запрыгнула на коня.

– Поехали! Ксам в последнее время не якшался с местными колдунами или алхимиками?

– Вроде нет...

– Так вроде или нет? Я не смогу ничего сделать, если не буду знать причину его паралича! – зло произнесла я, понося бедную Разбойницу.

– Мы должны сделать хоть что-нибудь! – воскликнул он, поворачивая направо, мимо деревни. К реке едет, напрямик.

Что-нибудь сделаем, бесспорно. Вот только как бы не оказалось слишком поздно. Конечно, насчет «ничего не смогу» я погорячилась – есть один варварский метод, достойный степных племен. И, если я не смогу определить болезнь, придется использовать именно его.

Боцман красивого сине-черного цвета лежал на берегу реки. Брошенные снасти валяются рядом, вот только поплавки

с крючками кто-то ушлый уже подрезал. Лицо Ксама перекошено, даже глазами не шевелит. И не дышит. Твою мать. У меня сердце замерло.

– Пока ты меня нашел, сколько прошло времени? – нервно спросила я Деррека. Тот задумался:

– Часа полтора.

То есть, он не дышит уже добрых два с половиной часа? Здесь только торжественное погребение поможет. Остается только слабая надежда, что оцепенение магическое – тогда он все еще жив. Вероятно, даже невредим. Вслух я объяснила:

– Сейчас посмотрим. Спешка ничем не поможет, Рыжий либо уже мертв и пребудет в таком состоянии до скончания веков, либо жив и останется жив до конца воздействия магии. Если это магия. Задержать дыхание на два с половиной часа даже киты не могут, я читала.

Нет. Я никогда не видела ничего подобного. Остается одно...

Развернув небольшой кожаный футляр, я достала оттуда резные костяные иглы. Специальный наговор, помогающий вернуть контроль над своим телом, хоть и забирает у человека или существа другой расы несколько лет жизни, но действует почти всегда. Да и с нашим ремеслом до старости точно никто не доживет. Укрыв мерцающей серебристо-голубой пеленой самую длинную иглу, я с силой вогнала ее под одно из левых ребер. Дальше действовать следовало быстро –

иголки мелькали в воздухе, словно стрелы при крупном сражении. По правде говоря, боцман и выглядел теперь, как павший в том самом сражении.

Ксам закашлялся, затем выгнулся в воздухе, но я прижала его к земле, коротко бросив:

– Лежи. И за грудь не хватайся пока что.

– Угу, – просипел Рыжий. Из его шеи тоже торчали две иглы – одна позволяла вернуть власть над хребтом, другая пронзала трахею, позволяя дышать. Не слишком приятно.

Однако, несмотря на дикость метода, синева отступала с кожи. Я знала, что если уберу хоть одну кость, все придется начинать сначала, поэтому приказала Дерреку держать ноги боцмана, а сама придавила коленом его грудную клетку.

– Если дернешься, укоротишь себе жизнь, – сообщила я, с тревогой глядя на него.

– Насколько? – слабым голосом поинтересовался он.

– На всю оставшуюся. Лежи.

– Лежу.

Я его таким смирным видела только во сне. Знаете, когда шаловливый хулиган с соседней улицы настолько умаялся, что заснул прямо в тени ближайшего дерева. И никто его не хочет трогать, иначе снова начнется...

Вообще, его жизнь и так укоротится, но я ему пока не скажу. Вдруг возмущаться будет? Да и пару лет всего, для нашего ремесла это пустяки.

Несмотря на боль, мучившую все его тело, боцман лежал

неподвижно. Наконец, когда иглы почернели, вытянув всю гадость из организма, я торопливо повыдергивала их и сожгла в наспех сотворенном огне. Если задуматься, у Когтей Серрата есть и другое применение – то, от чего они избавили одного человека, может быть с успехом перенесено на другого. Но у меня нет врагов... ладно, кого я пытаюсь обмануть. Нет тех, кого бы я *настолько* ненавидела.

Дрянь, которая терзала Ксама, явно непроста. Если я не могу определить, что это, надо хотя бы выяснить, из-за чего могла возникнуть подобная болезнь.

Он открыл глаза. Белки покраснели от лопнувших кровеносных сосудов, приглушив травянисто-зеленый цвет радужной оболочки. Осторожно втянул воздух, ощупал грудь и живот, затем опустил пальцы на шею. Потер, видно, что не в своей тарелке. Еще бы – сидишь, ловишь рыбу, и тут тебя настигает явление, категорически несовместимое с жизнью.

– И что это было? – спросил Ксам, измученным взглядом смотря на меня, но я только развела руками:

– Хочешь, верь, хочешь – не верь, но я то же самое хотела спросить. Ты в последнее время не подкладывал никому из могущественных старых волшебников булавки на любимое кресло?

– Почему именно могущественных и старых?

– Потому что я подобное наваждение первый раз вижу. Это не простое проклятие или порча, которые обычно сни-

мают возложением рук за две-три секунды. Думаешь, зря тебя иголками тыкали?

– Значит, дело рук какого-то прожженного колдуна, говоришь, – растерянно повторил Ксамрий Ягос, затем покачал головой: – Нет, не припомню.

– У знахарки какой травы, может, украл? – продолжила я допрос.

– Да на что они мне?

– Может, это... шальная стрела? Сотворили на кого-то другого наговор, а он возьми и перекинься на Рыжего, – предположил помощник.

– Подобные заклинания всегда направлены. Случайности быть не может. Разве что образ, использованный в заклинании, был неточным. С другой стороны, подобные заклинания – а я почему-то уверена в том, что здесь поработал маг – можно применять вообще без цели, надо лишь иметь под рукой нужный предмет.

– Какой еще предмет?

– Любой, – усмехнулась я. – Сказки читал? Про заколдованные яблоки, про веретено.

– Яблоки – это как раз в твоем духе, да, Ксам? – поддел боцмана Деррек. – Что-нибудь сожрать случайно. Мог даже не заметить.

Боцман задумчиво накручивал на палец тонкую леску из конского волоса. Несколько оборотов в одну сторону, затем снять и несколько в другую. Пожал плечами:

– Если и было, то я не помню. Капитан, а есть еще варианты?

– Куча. Например, сунуться в древнюю сокровищницу, защищенную смертоносными ловушками. Искатели приключений наивно думают, что стоит обращать внимание только на шипы из пола да сдвигающиеся стены. А после того, как люди, что внезапно обзавелись несметными богатствами, через декаду умирают в своих постелях, высушенные до скелета, начинаются пересуды. Вообще, если говорить конкретно о проклятьях, они бывают весьма различны по своей природе.

– Например?

– Направленное, зональное, блуждающее, предметное. Четыре основных, также отдельной группой выделяют спящие – те, которые набирают силу только тогда, когда произойдет необходимое условие, заложенное волшебником, – пересказала я небольшой фрагмент из академических лекций, стараясь ничего не упустить. – Поэтому, сам понимаешь, определить очень сложно.

– Да уж, – буркнул боцман и почесал короткую «шкиперскую» бороду. – Непростая наука. А вдруг это не проклятье? Или оно было наложено на кого-то другого, а мне случайно досталось?

Я повела ладонью в сторону, драматично показывая, что мои усилия по объяснению тонких материй тщетны:

– Говорю же, случайности быть не может. Наговор, на-

правленный на другого человека может достаться тебе только в том случае, если вы связаны особым ритуалом. И это не наша командная метка, все гораздо сложнее. Должна существовать особая связь, позволяющая скрепить воедино чувства, которые вы испытываете, она носит имя великого нейтрального мага Люгуса. Тогда все, что переносит одно существо, передается и другому – к сожалению, в том числе и болезни, эффекты заклинаний, таких, как сглаз или порча. Но не физические раны.

На этот раз сквозь загорелую кожу его лица проступил другой цвет – мертвенно-бледный. Тщательно подбирая слова, боцман спросил:

– И... вы сказали, та штука, что приключилась со мной, смертельна?

– Если рядом не будет умелого целителя – наверняка. То, что я вылечила тебя, не может через ритуал Люгуса повлиять на того, второго. Или вторую, – кивнула я, настороженно смотря на него. – Только не говори, что ты...

Глава 2. Родственные связи

Боцман, охваченный тревогой, поделился лишь одним словом. «Сестра».

Семь демонов ледяного вихря! Тот обряд, о котором я говорила, настолько редкий, что о нем знают лишь те, кто любил рыться в ворохе пергаментных книг Второго тысячелетия империи. Во-первых, он непрактичен. Собственно, основные недостатки я назвала еще при разговоре с боцманом. Желание знать, что близкие люди в порядке, очень благородно само по себе, но применять для этого давно забытую магию зарекийтесь раз и навсегда! Отца Ксам не знает, но идея, оказывается, была его. Безответственно отдать детей в руки молодой лесной ведьмы, чтоб «они всегда защищали друг друга» и «никогда не пренебрегали любовью к семье».

Во-вторых, нет способа его разрушить. Будь такой подвиг не по силам именно мне, я бы так и сказала, но рядом с описаниями болезни или порчи в литературе считается хорошей традицией давать и способ излечения. В пожухлом томе его не было. Только описание ритуала Люгуса, судя по дате внизу и архаичному языку, самым величайшим и написанное.

Боцман тоже остолоп. Нет бы заранее перевезти сестру в земли бывшего баронства, как только они достались нам. Он, видите ли, решил, что в Грайруве ей будет безопаснее. Да черта с два!

Да, я немного зла. И оскал этот предпочитаю прятать под личиной ледяного спокойствия. Очень нехорошо мне чувствовать себя беспомощной, очень не люблю и старательно избегаю данного ощущения. И ведь понимаю, что сделать ничего не могу, но гложет и гложет, как собака особо понравившуюся кость.

Конечно, я отдала приказ снарядить корабль. Решили, что доведем «Храпящий» до Теккеля, там загрузим еду и прямым ходом в Грайрув. Рискованно, конечно, идти в Зиммергауз сейчас, но я не столько боюсь за сестру Рыжего, сколько опасаясь, что в следующий раз судьба подбросит мне нечто, с чем я справиться не смогу. И верный человек умрет прямо на руках. Есть еще один набор Когтей, но лучше устранить первопричину...

Экипаж съезжался из окрестных сел быстро, с трудом приволокли вдрабадан пьяного Хога, бросив его на камбузе и подперев шваброй. Даже заботливо поставили рядом ведро. Справедливо решили, что проспаться всегда успеет, а приводить его сейчас в чувство – себе дороже. Кок с похмелья буйный.

Старпом, как и Граф, а также еще несколько матросов, предпочитает ошиваться в Теккеле. Я отправила ему предупреждение, чтоб подготовил груз провизии, Сейтарр заранее написал список того, что понадобится. Джад не слишком возражал, только спросил, к чему такая спешка. Вкратце объяснив, что боцман идиот, я дура, а жизнь, помимо золо-

тишка в карманы, продолжает щедро подбрасывать нам пинки и оплеухи, я, кажется, удовлетворила его любопытство.

Как проходил диалог, спросите вы? Дело в том, что Джад, как и я, обладает Искрой – свойством организма, доселе не вполне изученным, которое позволяет колдовать. А два мага, если им известна внешность друг друга, могут воспользоваться мысленной связью. К сожалению, с простым человеком так связаться невозможно, однако и на том спасибо. Благодаря такой небольшой хитрости я без труда могу разделять команду на два отряда и координировать общие действия. Один у Нити недостаток – голова после нее раскаляется, как с похмелья. Никаким буйным поварам и не снилось.

А еще я, конечно же, поделилась мыслями с Алатором, хоть и зарекалась больше этого не делать. Поскольку мастер Алатор Схименц, некогда известный совершенно под другим именем – такой вредный и надменный старикашка, который до сих пор весьма дружен с моим отцом. Мне он ничем не обязан, более того, никогда не упустит случая пожурить за избранную стезю. А у меня, между прочим, другого выбора и не было. Можно так сказать.

Однако, благодаря службе в имперской Тайной Канцелярии он просто кладезь различных знаний, не пользоваться которыми – явный признак непрактичности. Поперли его со службы после того, как на родине йрваев маг потерял руку. Кажется, ее откусило какое-то прожорливое растение

из местных. Теджусс, место рождения моей матери, вообще опасное место, и ни в коем случае нельзя его недооценивать. Магия там работает из рук вон плохо.

К сожалению, Алатор знал о загадочной напасти не больше моего. На совет порыться в книгах я лишь пренебрежительно отмахнулась. Уже сделано. Я не могу чувствовать себя в замке, как дома, если не натащу туда книг, так что библиотека появилась еще в первую декаду. С тех пор она только пополнялась различными ценными экземплярами.

Так вот, в книгах ничего похожего нет.

Одно хорошо – Ксам больше не корчится в судорогах. Видимо, отступила болезнь, хотя бы на время.

– Нормально себя чувствуешь? – приблизившись, спросила я. Боцман сидел на свернутом в толстый бублик канате, с тревогой смотря в серое небо, укрытое одеялом облаков.

– Будем живы – не помрем, – скривился он. – Я за Узану переживаю.

– Теперь-то что волосы рвать... – проворчала я, опираясь спиной о грот-мачту. – Вспомни, я еще в первую декаду сказала – всех родственников лучше перевезти поближе. У меня эту землю даже последующие короли не имеют права отобрать: такую хитрую схему нарисовали придворные писари, что и не подкопаешься.

– Хорошо задним умом думать, – огрызнулся Ксам.

– Иди, командуй. А то на людей бросаешься почем зря.

– Если б на людей, – криво усмехнулся он, одновремен-

но с опаской поглядывая на меня. Я даже сапогом в него не бросила. Рыжему надо прийти в себя, поскольку в последние несколько часов я наблюдаю на месте молодого, дерзкого парня какую-то выжатую тряпку.

– Капитан, может, по пути кого-нибудь выпотрошим? – пробегая, а вернее, пролетая на гике мимо, окрикнул меня Деррек. Русые волосы, как всегда, стянутые в хвост, развеваются на ветру. А господин речной ветер норовист и изменчив характером, как юная девица. И, хотя с парусами могут управиться три человека (что обычно и происходит на ночной вахте), лучше держать их в узде. К тому же, в реке сажать кого-то в корзину на грот-мачте нет резона – русло Тиаллова на редкость гористое. Куда ни глянь, всюду обширные холмы с буйными лесами, уже начинающими одеваться в цвета осени.

– Берешь удочку, ловишь рыбу, помогаешь Хогу готовить, – невозмутимо перечислила я порядок действий, который нужен для потрошения. Прекрасно понимаю, что помощник боцмана имеет в виду, однако до того ли? Грабить толстые купеческие суда, безусловно, весело, но разве у нас настолько мало денег, чтобы останавливаться по прихоти? Все же человека спасаем, а, возможно, и двух.

– Ну, капитан... – протянул он безнадежно.

– Чем быстрее доберемся до Грайрува, тем лучше. Если нас по пути не выследят военные корабли, вообще замечательно.

– Так мы скоро сами станем толстыми купцами, – поддержал его Мархес. Несмотря на то, что этот смуглый низкорослый детина последние два месяца хвостом таскался за Линдом Тильманом, лучником, к отплытию он явился вовремя. А вот его наставника не видать. Я отрезала:

– Если прямо по курсу вдруг попадетсЯ торговое судно, так и быть, пошарим по трюму. Но не сверну ни на румб! Кстати, а где Линд?

– Черт его знает, – пожал плечами Мархес, проведя ладонью по лысой голове. – Кажись, опять наемничеством промышляет.

– Нет, я прекрасно понимаю, что, если он не на корабле, значит, где-то в другом месте. Но Джад сказал, что в городе лишь он, Граф, да братья где-то по портовым кабакам гуляют. Значит, нашего стрелка и там нет.

– Еще в залив не вышли, а уже проблемы... – буркнул чернобородый Шэм. Ворчунов, настоящих, готовых сутками сетовать на судьбу и на отрицательные черты всех окружающих, на шхуне трое – он, Нытик и кок. Оброс волосами, теперь из их центра торчит только нос, блистающий следами переломов, темные злые глазки и иногда доносится ворчание, вот как сейчас.

Почесав макушку, я решительно приказала:

– Стоп двигатель! Отдать якорь. И шлюпку спустите... хотя, демоны с ней. Только время зря потеряем. Якорь бросьте чуть ниже по течению.

Я сняла португую с мечами, один стальной, второй зеленый и прозрачный, затем добротный, почти не продуваемый морскими ветрами кафтан, и небрежно, поддев за пятку, сбросила сапоги.

— А не холодно сейчас купаться, леди? — насмешливо подал голос боцман.

— Иди к черту, — добродушно ответила я. — Мы бывали в таких местах, по сравнению с которыми вода Тиаллова осенью горяча, как только что сваренный суп!

И прыгнула вниз.

Вынырнула, жадно хватая воздух, уже в метрах двадцати от корабля. Хог запоздало заорал с камбуза:

— Обед!

А ведь всего-то надо было несколько минут повременить с водными процедурами.

Кок у нас мастерства изрядного, однако, в еде я неприхотлива — обычно жру, что дают. Люблю фрукты, особенно яблоки. То ли вкус нравится, то ли клыки постоянно чешутся. Орехи вот недолюбливаю, застревают в зубах.

Ну сейчас-то уже поздно возвращаться. Да и вода действительно холодная, второй раз уже подумашь, прежде чем прыгать. Я погребла к берегу, не слишком стараясь преодолевать течение. На него и был расчет, корабль встанет на якорь ниже. Плаваю я неплохо, так что слово «утонуть» для моих безразмерных ушей звучит дико и неправильно. Как можно утонуть, если наше тело свободно дер-

жится на поверхности воды? Тем более, в реке, где и волн-то никогда не бывает.

У берега мягко, клубящийся ил обволакивает босые ноги. Когти, правда, цепляются за всякие корни и ветки, надо бы подпилить. Растительности у берега видимо-невидимо. Кажется, что некоторые деревья протянули свои щупальца прямо сюда, в воду, я то и дело на них поскальзываюсь.

Кое-как схватившись за выступающие корни, подтянула себя на берег. Земля вперемешку с мелкими камнями – в трех шагах, но уже здесь переплетающиеся отростки образуют некое подобие твердой суши. Села спиной к дереву, чтобы не продувало, и начала творить наговор.

Хоть Искра не позволяет поддерживать мысленную связь с теми, кто не владеет магией, существует множество всяких уловок, которые, пусть не так хорошо, все же могут ее заменить. Среди них есть штука, с помощью которой знакомые между собой студенты Академии подшучивали друг над другом. Называется Гир Руд, волшебник призывает призрачное животное и велит ему доставить сообщение. Откуда такое название для простенького ритуала? Не знаю.

Конечно, силы такого животного незначительны. К примеру, от Грен Тавалья до замка Беккенберг ему не добраться, рассеется и растает в воздухе. А вот разыскать и вручить личное послание кому-нибудь в радиусе двухсот миль... кстати, обычно это не те животные, которые могут быстро и долго бежать, не уставая, а какая-нибудь лиса или пес.

То есть, используя ассоциацию образов, заклинание больше ориентировано на поиск.

Так и на сей раз – под моими ладонями, щекоча кожу полупрозрачным светящимся мехом, возник призрачный лис, который пытливо уставился на меня. Интересно, чувствуют ли что-нибудь призраки? Особенно временно сотворенные?

– Найди человека, что зовет себя Линд Тильман, – строго произнесла я. – Передай ему, что корабль с командой ждет его в Теккеле, на быстром причале.

Думаю, больше ничего не потребуется. Они все понимают с лету.

А еще зверь Гир Руда не может преодолеть водную гладь, даже простенькую лужу. Именно поэтому мне пришла в голову мысль о несвоевременном купании. Ни разу не видела, чтобы подобные существа плыли по водной глади. Возможно, опасаются. Ищут брод или мост. Или просят ближайшего лодочника перевезти, а не то откусят ему голову. Кто знает, возможно, за пределами внимания мага они творят страшные вещи.

Но для меня-то главное, чтобы они доставили приказ. А там пусть хоть новорожденных детей пожирают, невелика потеря.

Отлепившись от дерева, я осторожно побрела обратно в воду. Здесь так лихо не прыгнешь, как с фальшборта. «Храпящий» стоит, опустив паруса, в метрах пятистах ниже

по течению. Дождается. Моряки относятся к кораблю, как к живому существу – во многом оно так и есть. Мы сами состоим из бесчисленного количества костей, жил, нервов, сосудов, так кто вправе отказывать в душе столь же сложной конструкции?

Кроме того, дух в нем и вправду имеется. Призрак в мачте, который никогда не выходит и не подает голос. Я бы и вовсе решила, что там никого нет, вот только вызвала его именно я, и в грот-мачту, теперь покрытую защитными рунами, он засел на глазах большей части команды. Пользы не приносит, хорошо, хоть не вредит. Правда, старпом жалуется, что у нас вертлюги железные ржавеют быстрее обычного, но кто знает, виновен ли в том Шамаша.

– Эге-гей! – закричали оттуда, едва я широкими взмахами разрезала водную гладь. – Капитан за бортом! Быстро приближается!

– Сматываемся! – громко хохотнул Турлей. Свой дом в столице королевства Рид Ойлем матрос продал, взамен выкупив неплохую винодельню в десятке миль к северу от замка. Постигает тонкости ремесла, можно сказать. Его товарищ, Оми, на подобные мелочи размениваться не стал, благоразумно сохранив столичную недвижимость. Насколько мне известно, сейчас сдает пару комнат в просторном особняке за неплохие деньги.

– Кому врезать? – недобро обозрела расхлябанное воинство я, едва только перевалилась через борт. Матросы,

оставив миски с едой, тут же приснули кто на мачту, а кто и на нижние палубы. Ксам ограничился тем, что приснул в ладонь. Боцману драпать – несолидно.

– Врежьте-ка лучше стаканчик, капитан.

Сейтарт, наконец сменивший дорогую одежду и туфли управляющего на привычный доспех из клепаной кожи и стальной шлем с плотно прилегающими очками, светился от счастья. Прости, дорогой, не я тебе такое увеселение придумала. Все сам. «Статус», «ущерб чести» и прочая чушь.

В деревянной кружке, которую интендант столь невнимательно окрестил стаканчиком, плескалось что-то горячее и пахнущее вином с пряными травами. С благодарностью приняв сосуд, я его осушила. Эх... хороша жизнь моряцкая, много в ней радостей, печалей, а еще есть совершенно незначительные мелочи, вроде этой «мика», которую придумали (или украли) в королевстве Дейн. После ледяного шторма или при усталости – нектар богов.

– Уф. Хоть один человек на этом корабле не зря свой паек проедает. Хог!

– Чо? – высунулась с камбуза круглая, плешивая и одноглазая башка.

– Жрать неси.

– Есть! – пробурчал он и скрылся за дверью, через минуту показался с резной деревянной миской, от которой исходил пар.

– Остальным – поднять якорь, паруса и полным ходом

в Теккель.

Одноглазый он не потому, что потерял второй глаз в сражении или где-то еще, саррусы от природы такие. Там, где у обычного человека переносица, у сарруса или сарры крупный, обычно хмурый глаз. Кроме того, они превосходят остальные расы мира Кихча по росту, так что кок, в котором два метра да еще вершков восемь роста, самый долговязый и массивный из экипажа. Если выстроить всех в шеренгу по росту, за ним будет стоять Линд с его двумя метрами и вершком, а за стрелком – я.

Отобрав у Хога еду, принялась орудовать ложкой. Уха, хорошая, наваристая. Нечасто такую можно даже за королевским столом встретить. Да что там уху, вообще любой суп. Правители бульончик не любят, им подавай соловьиные язычки да в сметане. Или окорок вепря, добытый собственными руками, если король хочет выглядеть суровым.

С другой стороны, любимое блюдо ургахадского Владыки – обычная жирная домашняя утка, по-простецки засунутая в печь до румяной корочки. По крайней мере, так рассказывал Граф, а у него хватает знакомых среди аристократии.

– Как всегда, пальцы отгрызть можно, – сообщила я, откладывая посуду в сторону. – Как такой талант мог пропадать в захудалой лавчонке... где мы тогда стояли, Сейт?

– Да в Рьюманосте и стояли, если я еще мозги не отшиб, – пожал плечами интендант.

– Никогда не знаешь, как жизнь повернется, – пробасил

Хог, тыльной стороной ладони утирая пот со лба. Камбуз тесный, и на нем обычно жарко. – Вообще-то я тогда хотел убить этого ублюдка Ульгема, да он удрал на корабль.

– Даже не буду спрашивать, за что именно. Только не говори, что ты недоволен нынешней работой, – ухмыльнулась я, продемонстрировав зубы во всю широкую пасть. Сейтарр хмыкнул:

– Он вечно недоволен. Дай Хогу бочку крепкого вина, ораву девок и мешок золота, он все равно будет возмущаться, что вино кислое, девки толстые, а монеты – недовес.

Те, кто слышал последнюю фразу, дружно загоготали.

И вправду, о ворчливости здоровьяка можно легенды сочинять. Осталось найти того, кто их будет слушать. Слишком занудные получатся.

– Может, смените одежду на более сухую? – снова подал голос интендант. Ишь, заботливый какой.

– На мне высохнет, – махнула рукой я. День-то осенний, но тепло еще не оставило мир окончательно. А вот на следующий месяц – месяц Гроз – суда обычно держатся в тихих бухтах да заливах. Рискнувшего выйти в дальнее плавание обязательно застигнет либо буря, либо одно из ужасных морских чудовищ. То ли брачный сезон у них в это время, то ли какой праздник всенародный. К сожалению, заклинаний для усмирения гигантских спрутов, левиафанов и прочей живности нет ни в обычных курсах Академии, ни в библиотеках. Так что, хоть меня и зовут Морской Ведьмой, ни-

каких особых, связанных с морем или его обитателями сил в себе я пока что не обнаружила.

Значит, не в имени дело?

До Теккеля плыли всего сутки. Вниз по реке спускаться одно удовольствие, справятся даже дети. В основном, мы бездельничали – играли в карты, перебирали снаряжение, которое и без того держалось рабочими с маленькой верфи в идеальном состоянии, устраивали дикие шутки, которые обычного человека привели бы в ужас. Казалось бы, что смешного в игре в «колокол»? Подвесить над головой мирно дремлющего кока несколько больших котелков и из-за двери орать «Тревога! На нас напали!», дожидаясь характерного звона... а нам смешно.

А еще Нытик, тощий беловолосый юноша с острыми чертами лица, не сумевший за два месяца отожраться на деревенских харчах, прихватил с собой лук. Все бы ничего, да вместо стрел он использовал грубо отесанные жердочки с присосками на конце. Конечно же, высшим классом считалось вклепить ничего не подозревающему товарищу по команде такой присоской в лоб, после чего экипаж на время полностью терял боеспособность, а Нытик уклонялся от летящих в него предметов. Затем все повторялось, но с другой жертвой.

Надо мной тоже подшучивают, хоть и реже. Виновник розыгрыша знает, что, где бы он ни спрятался, кара его все равно настигнет. По мачтам я, конечно, карабкаться не буду,

а вот заколдовать фалы так, чтобы они танцевали вокруг человека и клевали его тяжелыми, а иногда и мокрыми узлами – всегда пожалуйста. Или шерсть вырастить на лице. Муравьев могу наслатъ, так, чтобы они пробрались под одежду. Единственное спасение от такого муравейника – тут же броситься в воду, однако, в том случае, если тебя щекочут везде и без остановки, сделать подобный финт будет затруднительно.

Но матросы на шхуне «Храпящий» – храбрые ребята. Не боятся мести, а потому стоит всегда быть начеку.

Проснулась я около полудня, хорошо, хоть не на палубе, а в своей каюте. Тем не менее, все равно на полу. Как не крути, а за двадцать один год жизни спокойно спать я так и не научилась. Всегда ворочаюсь, долго не могу уснуть, а во сне то ли переборку лягаю, то ли еще что... кто там заикнулся про качку? В реке?

Причем, стоит мне задремать где-то, кроме своей койки (или кровати в замке), так сразу проваливаюсь в глубокий сон. Маги Дейна, как гласят слухи, умеют спать даже на битом стекле. Стоило бы наведаться, поучиться... либо там та же проблема, что и у меня, и ночевать в обычной постели им не дано.

Накинула сверху плащ и, щурясь от яркого солнца снаружи, проковыляла из каюты на нижнюю палубу. Долго отмокала под потоками прохладной воды, затем закрыла вентиль и почувствовала, что вполне готова прожить сегодняшний

день не побитой собакой, а разумным, отлично себя чувствующим существом. Для проформы пару раз провела щеткой с какой-то кисло-бодрящей эссенцией по зубам, хотя можно было бы обойтись магией. Да, маги настолько ленивы, что придумали для личной гигиены отдельные заклинания. Как по мне, обычная вода стократ лучше.

Теккель – город оживленный, как и положено быть солидному порту. Скажу больше, я была во многих странах, и везде порты похожи друг на друга. Длинные причалы, порой не прямые, а образующие сложные лабиринты самых замысловатых фигур. Поди найди в таком месте для крупного корабля. Конечно же, неизменный лес мачт и галдящие птицы, что вечно норовят задеть тебя крыльями по лицу. Таверны, рядами примостившиеся у берега. И никого не волнует конкуренция, хозяева не таскают друг друга за волосы. Ведь, когда самый сезон, обычно еще и не хватает мест.

Кроме того, торговые порты пахнут рыбой, пряностями, духами, кожей, деревом, сталью, ржавчиной, кровью, алкоголем, цветами, каменной пылью, животными, людьми... и подобное мощное сочетание с непривычки валит с ног любого непосвященного. Даже запах моря способен только сплестись с этой гаммой ароматов, но никак не перешибить ее.

Город известен своим «быстрым» причалом. Помимо тех, обычных, что со стороны залива, в устье реки имелся широкий выступ скалы, который неизвестные умельцы стесали до совершенно плоской, как тарелка, поверхности. Глу-

бина прямо около него составляла метров десять, не меньше, а пришвартоваться туда могло сразу пять кораблей. Вот и повелось причал сдавать в аренду на краткий срок, до пяти часов. Мы так вообще пользовались им бесплатно, если были свободные места – довелось некогда оказать мелкую услугу дочери бургомистра.

Услуга, правда, заключалась в том, что мы, пьяные ву-смерть, натолкнулись на неприятные взору лица и решили надрать сим лицам задницы. После небольшой потасовки Ойген совершенно случайно споткнулся о избитую юную деву, которая вышеупомянутой дочерью и оказалась. Не такое уж и нарочное спасение вышло.

Хотя выгоду свою мы извлекли, хе-хе.

– Гляди, ждут, – ткнул Сейтарр пальцем.

Бравые ребята ожидали корабль на совершенно пустом скалистом причале. Только огромные палы торчат из камня, да эти пятеро. У одного из палов уютно примостился груз – провиант, личные вещи, запасные части такелажа, бочка с маслом. Знаете, что главное в особенностях хранения бочки с маслом на судне? Осторожность. Если ее где-то не закрепить, или сделать это неправильно, в масле будет все. И попробуй его потом отдрай.

Пять непростых, весьма непростых мужчин. Джад Стефенсон, кличка «Толстый Джад». Первый завербованный член экипажа, тогда я еще думала заниматься охраной торговых судов, а не наоборот. Старпом, навигатор и вторая власть

на корабле. Как и я, умеет колдовать, и мог достичь больших высот, но бросил Академию.

Плотно сбитый, среднего роста, черноволосый, коротко стриженный, но с тонкими бакенбардами и такой же полусой бородки вдоль челюсти, переходящей в усы. Узкоглазый, дейнское происхождение отца дает о себе знать. Вовсе не толстый, как ни странно – небольшое брюшко имеется, но, в целом, обычный коренастый парень чуть старше меня.

Ухмыляется, собака. У нас тут вроде как повод для беспокойства, а Джаду все нипочем. Хотя, судя по тому, что он в полном боевом облачении – восьмиугольный щит на спине, «стеклянный» наплечник и тяжелая секира в руках – к драке готов. Понять бы еще, с кем драться...

Рядом с ним братья Жамсби. Если остальная ватага выглядит серьезно, близнецы катаются по причалу и тузят друг друга что есть мочи. Как бы в воду не свалились в пылу драки. Притрем бортом корабля к каменной скале, и поминай, как звали. Оба здоровенные, плечистые блондины, почти с меня ростом. Всегда готовы на риск, пусть даже смертельный. Например, убили скального тролля еще до вступления в мою команду, правда, переусердствовали. На отмашке Ойген стукнул по голове вельможу, который их и нанял, а тот возьми, да и помри.

А Тумас еще и несколько солдат его личной гвардии ранил, разгневанных гибелью господина. Посадили братцев за тот проступок, если не ошибаюсь, на двадцать лет в тюрь-

му города Москалл. А чуть больше года назад с тюрьмой случилось... страшное. Мы случились. В общем, взлетела она на воздух, спасибо Ксаму: и экипаж укомплектовали, и народ потешили.

С тех пор использовать сокрушительную силу Ойгена и Тумаса нам случалось не раз. Достаточно вспомнить, как они ледяных магов разметали на севере, правда, сами чуть не погибли при этом.

Да, говорят, что моряки рослыми не бывают, но мы и так – команда уродов. Еще один двухметровый, Линд Тильман. Невозмутимый, с лицом, и без того не слишком приглядным, но несколько длинных шрамов портят его окончательно. Высокий лоб, грива светлых волос, холодные светло-голубые глаза, нос, явно несколько раз перебитый, однако еще сохранивший форму. При всем том – массивная нижняя челюсть, оспины, толстые губы.

Не зря его прозвали Огром. К тому же, как и настоящие огры, он совершенно не... так, стоять, я уже упоминала о несчастной паре «Линд и чувство юмора». И неоднократно.

Зато лучник из него отменнейший.

И последний, но не по значимости – низкорослый Ульгем, великолепный фехтовальщик, бывший сын графа де Рьюманоста. Родственная душа, можно сказать. Правда, родители отреклись от меня по моей инициативе, дабы император Варанг не слишком лютовал, а Графа изгнали и лишили родо-

вого имени, оставив ему только меч.

На первый взгляд, такой меч не стоило и оставлять. Выглядит он, как широкий кусок тщательно отточенного железа, резко изогнутый назад в верхней трети. К тому же, в металле клинка есть две крохотные дырки, через которые продета шелковая нить белого цвета. И тяжесть его никак не предполагает, что таким оружием можно фехтовать. Но Граф справляется, да еще и как. Очень сноровисто и эффективно, я бы сказала.

Из команды он выделяется, как свет маяка в тумане. Если мы предпочитаем плотную одежду, кожаные доспехи, портупей, из многочисленных карманов которых удобно в решающий момент что-то достать, Граф презирует подобное мышление. Он одевается в легкие рубашки ярких цветов, с кружевными рукавами, неизменно с воротником в форме языков пламени. Носит черные или темные штаны, которые в море подворачивает почти до колен и тонкие мокасины вместо традиционных моряцких сапог.

Кроме того, заняв должность судового врача, он стал надевать банданы, неизменно в тон рубашкам. Возможно, это значило какую-то перемену в жизни бродяги, лишённого родового имени... однако, зная Ульгема, рискну сказать – пустить как можно больше пыли в глаза и есть основной смысл его жизни.

Глава 3. Дым на горизонте

– Я тут вспомнил твои извечные упреки и решил книжку открыть. Второй раз за жизнь, – иронично сказал Джад, облокотившись на фальшборт. – Знаешь, чего вычитал?

– М? – Посмотрев на него с интересом, я даже жевать прекратила.

– Тут, в заливе, около трехсот лет назад затонул крупнейший корабль из всех когда-либо построенных.

Пожав плечами, я ответила:

– Неудивительно. Несмотря на то, что сильных штормов тут не бывает, по глубине он иные моря за пояс заткнет.

– Мало того – залив назвали в его честь.

– погоди, ты хочешь сказать, что Молот Теллода – это не какое-то оружие Древних и не кузнечный инструмент одного из старых богов, а корабль?

– Так утверждает автор. Более того, в книге он приводит и чертежи корабля, и возможное место, где находились судостроительные доки тех времен.

– «Тех времен», – фыркнула я. – Как будто речь идет о Первой Эпохе. Три века назад – это, знаешь ли, не так много. Некоторые престарелые маги помнят «те времена». И что, на корабле был какой-то важный груз?

– Не думаю. Его только спустили на воду, доплыли до середины залива, и тут корпус не выдержал. Дал течь, а затем

треснул пополам.

– Грустная судьба. Так каких он размеров был, получается?

Джад задумался, вспоминая:

– Там написано – двести метров в длину, около сорока в ширину. Мачты почти стометровые, композитные.

Удивленно приподняв бровь, я сказала:

– Да ну! Судно такого размера даже на стапелях долго не простоит. Рухнет под собственным весом. А любая крупная волна разнесет его в щепки.

Длина «Храпящего» – сорок пять метров, с бушпритом и рулем – сорок девять. Несмотря на то, что для шхуны корабль довольно крупный, сложностей в управлении им не возникает. Ночная вахта – всего четверо, хотя для небольшого экипажа и такое количество неслабо бьет по режиму сна.

Размер залива Молот Теллода, напоминающего вовсе не молот, а, скорее, топор – более пятисот миль от Текке-ля до Мурима, города на побережье королевства Аргентау. В глубину... неизвестно. До последней ойлемской войны, а состоялась она около семидесяти лет назад, было несколько попыток измерить. Однако дважды лотлинь рвался, а в последний раз пятисотметровая веревка с тяжелым грузом просто зависла в пустоте, полностью выбрав собственную длину.

Так что, поправочка: неизвестно, но всяко больше пяти-

сот метров.

Исследования глубин – вещь дрянная и до жути опасная. Это известно и без горячих сердец, которые жаждут проникнуть во все тайны мироздания, а уж с ними и подавно. Спустя несколько лет после образования телмьюнской магической Коллегии один из ее членов, история даже сохранила его имя – Тэкс Ньюмор – решил на собственном опыте проверить, насколько глубоок океан Оси. Облек себя мощным защитным полем и стал погружаться в воду.

Я не имела чести знать его лично. Еще бы, полторы тысячи лет прошло. Но мужик был продуманный. Он рассчитал вес груза, который будет тянуть его ко дну, позаботился о быстром способе сбросить этот груз, подумал о защите, о связи с другими магами, наблюдавшими за экспериментом. Не говоря уже о том, что любой член Коллегии знает, как мгновенно преодолеть тысячи миль, и секрет этот охраняется весьма тщательно.

Но что-то пошло не так. На глубине в тысячу пятьсот тридцать две мили Ньюмор передал, что наблюдает странное движение в темноте вокруг себя, а затем его щит был мгновенно разрушен. Великий чародей даже не успел шевельнуть пальцами, судя по всему. И для защиты он пользовался не жалким цехембве, которому обучают на первом курсе стихийной магии, а Сферой Маджерелла. Если даже на нее упадет замок, тот, кто находится внутри, все равно останется жив.

Тем не менее, нечто страшное все же сумело преодолеть защиту опытного мага и убило его в доли мгновения. А Коллегия на долгие годы, столетия даже, запомнила – в глубины океана лучше не лезть.

Кто знает, может, Тэкс Ньюмор столкнулся с богом?

Брр. Изгнав из головы подобные мысли, прежде, чем они окончательно успели захватить сознание, я поежилась. Надо же подобное вспоминать в самый неподходящий момент. Как раз в самом центре Молота и находимся... как вылезет чудище, как цапнет пастью размером с город. И нет корабля.

Вообще, если перевернуть гору Рид и поставить ее вер-хушкой прямо здесь, думаю, она на треть уйдет в воду. Никакого лотлиня не хватит, чтобы такую глубину измерить – он станет слишком тяжелым под собственным весом.

Чуть больше суток на то, чтобы преодолеть воды залива. А в целом нам предстоит долгий путь, почти две декады. Пройти между двух материков в беспокойное Внутреннее море, затем обогнуть Грен Таваль и пересечь океан. При всем том желательно не попасться военным патрулям в море Зиммергауз, где оных полным-полно, и где-то спрятать корабль на то время, пока мы будем разыскивать Ксамову сестру. Боцман, правда, сказал, что она собиралась переезжать из родного Фэрчайлда на запад, в город Роксомм, о чем писала в последнем письме.

Нет бы ей рвануть куда-нибудь в Толлекс или Симвизир. До тех мест можно доплыть и через Пограничный океан,

риск несоизмеримо меньше.

А самое досадное, что она может быть уже мертва. Смерть по ритуалу Люгуса не передается.

Через восемь дней мы увидели очертания Каменного Когтя, что означало лишь одно – дорога в океан открыта. Предыдущие дни плавания нам сопутствовала хорошая, ветреная погода, а уж штиля от Внутреннего моря не дожидаться никогда. Даже если поселиться на берегу и ежедневно наблюдать.

Погода стала портиться, ощутимо и довольно быстро. Как стая перелетных птиц, которая временами зависает на одном месте, образуя зловещие темные фигуры, над головой сгустились облака, которые спустя полтора часа превратились в самые настоящие грозовые тучи. Ветер тоже заметно усилился, хоть курс и полный бакштаг, но, будь это буря, паруса бы разорвало в клочья.

Мы не ведем бортового журнала, но, если б вели, несомненно, отметили бы непрекращающийся, многодневный ливень, который последовал затем.

Шторм, если он и был, обошел нас стороной.

У старпома нет отдельной каюты (досадное упущение при проектировке корабля, о котором мне не раз уже прожужжал уши сам Джад), и в дождь ему приходится либо пользоваться маленьким откидным столиком на нижней палубе, либо пропадать на камбузе. Учитывая, что каюту он делит как раз с Хогом, эти двое почти неразлучны, хотя саррус предпочитает на камбузе же и спать. И карты у Джада вечно засален-

ные, в отметках от кружек и непонятных пятнах, однако читает он их с легкостью.

Тем не менее, сейчас он сидит у меня. Здесь и стол имеется, довольно большой для корабельной утвари, и работать можно спокойно. С боцмана причитается пара соленых острот на эту тему, да вот беда – нам плевать.

Я лежала на койке и безудержно зевала во всю пасть. Когда шторм – хотя бы есть огонь в душе, судно вертит из стороны в сторону, как ореховую скорлупку в горном ручье. Поспать в такие дни не особо получается. А от бесконечного дождя, выстукивающего дробь по палубе, только клонит в сон.

Заботливый интендант спрятал все бортовые и кормовые баллисты в специальные парусиновые чехлы, чтобы стальные части не слишком намокали. На палубе остались только рулевой и шесть человек из парусной команды. Даже вперёдсмотрящего сняли с мачты. Когда дождь стеной, смысла держать человека наверху нет.

– Мерзкая погода, – поделился наблюдениями Джад, усердно царапающий в записной книжке стальным пером. «Новинку», изобретенную Объединением Механиков Телмьюна лет сорок назад, уже успели принять повсеместно взамен опостылевших гусиных перьев – и клякс оно оставляет меньше, и пишет ровнее. Мне милее люминовые карандаши, но они имеют пакостное свойство стираться с бумаги.

– Да уж, и не говори. А некоторые мои столичные знакомые любили гулять под дождем, – в очередной раз зевнула я.

– Ну... так то студенты Академии, небось. У них не бывает ревматизма, да и любая простуда проходит за два дня. Как и у других обычных детей, – хмыкнул Джад.

– Да брось, «детей». Нас в пятнадцать только приняли на стихийный курс.

Старпом на секунду оторвался от записей и повернул голову ко мне:

– В возрасте десяти лет я не думал о том, нравится мне гулять под дождем или нет. Зато точно знал, что мне нравится гулять. Погода не имела значения. А гуляние под дождем – самое фанфаронство и есть, как по мне.

Я вздохнула, подложив руку под голову:

– Тоже правда. Чего ты там все пишешь?

– Сравниваю погоду. Мы сохраняли директрису от Каменного Когтя к Ургахаду в прошлом году, примерно в эту же пору, и тогда тоже был ливень.

– Зачем?

– Чтоб знать, чего ожидать. Когда выходить в плавание, а когда лучше переждать. Эх ты, а еще капитан, – насмешливо произнес он, снова уткнувшись в блокнот.

– У меня навигатор для этого есть. Правда, учитывая, сколько он времени проводит на камбузе, пора бы его в коки записывать.

– И охота вам травиться тем, что я przygotowю?

– А ты совершенствуйся, – предложила я. – Смотри на еду, только как на ингредиенты будущего блюда. Чтоб Хог опять

не жаловался, что кто-то сожрал половину провианта.

Снаружи, сквозь шум воды, донесся грохот. Я приподняла бровь, Джад вскочил и распахнул дверь каюты, высунув квадратную башку. Сплюнул, закрыл дверь обратно.

– Что стряслось?

– Ямми мачту забодал. Поскользнулся на мокрой палубе и влетел, гремя доспехами.

Я закрыла тыльной стороной ладони лицо, проговорив:

– Ты ему говорил, что в дождь лучше снимать железо?

– Говорил. Раз десять.

– Сейтарр еще пятнадцать, и я с десятков. А Ямми, дубина, все никак не внемлет. Он думает, если вдруг свалится в воду, то сумеет быстро расстегнуть все ремни и крепления.

Сначала я предполагала, что Ямитус Зонг носит свой доспех исключительно из стеснения. Было бы чего стесняться – у него одна рука покалечена. Говорит, в детстве обварил едва ли не до костей, с тех пор, хоть и выросла, но развилась плохо. Вынужденный левша, правда, таскает в левой щит с лезвиями. Им же и сражается, отвлекая противника мечом, которым даже размахнуться не может.

Потом стала приглядываться. Да нет, не все так заурядно. У него болезненная привязанность именно к тем доспехам, которые большую часть времени на нем. Снимать броню Ямми может без труда, так что дело не в проклятии. Действует он по своей воле. Никаких эмблем или обозначений на металлических элементах нет, ни герба дворянского рода, ни

клейма мастера.

И по сей день это одна из немногих загадок, которые мне не по зубам. Разговорить его никому из экипажа так и не удалось. Думаю, свои тайны молчаливый парень рано или поздно унесет с собой в могилу, случайно свалившись через борт. Да, в пренебрежении собственной безопасностью есть определенный шик, но столь фанатичное отношение к груде стальных пластин только вызывает лишние вопросы и подозрения.

– Если мои расчеты верны, дождь прекратится дня через два, – сказал старпом, захлопывая блокнот и оборачивая его в лоскут парусины.

– Откуда взял? – поинтересовалась я, ища под койкой сапоги.

– Сам придумал, – усмехнулся он, развернувшись вместе со стулом. – Подожди два дня и увидишь.

– Неужто тебя старый черт научил погоду читать? – уважительно спросила я, вспоминая свои уроки у пожилого шкипера.

– Кое-что он рассказал, остальное сам догадался. Цени, – поднял палец вверх Джад.

– И так увеличенную пайку жрешь, да еще и две доли добычи получаешь, – лениво парировала я. Спорить не хотелось, но надо же что-то возразить, чисто для проформы. Вместо ответа он хмыкнул, снял плащ с железного крючка и вышел навстречу водной стене.

Загадка для неравнодушных: что может быть хуже воды снизу и воды сверху?

Вода в трюме.

Я кое-как, чертыхаясь, натянула второй сапог, плащ проигнорировала – все равно потом сушиться – и смело шагнула за дверь. Ревущая и шипящая пелена накрыла с головой. Людям, да и всем остальным хорошо, им не так шумит. А мне, в силу особенностей строения ушей, барабанит прямо по ним, из-за чего во время сильного дождя я практически глухну.

– Капитан! – крикнул Линд, рослая фигура которого, укрытая темно-зеленым плащом, была едва различима на носу. Я сделала знак рукой, мол, не рви глотку напрасно, мне проще подойти, чем переспрашивать по сто раз, и направилась к нему.

– Присмотритесь, – указал он пальцем вперед. На горизонте виднелся горный кряж. Если место, где тучи смыкаются с такой же серой водой, границы которых сильно размыты из-за дождя, вообще можно назвать горизонтом.

– Щит Корда, – недоуменно сказала я, повысив голос. Сама себя не слышу, демоны бы побрали этот ливень.

Щит Корда – огромная цепь гор, защищающих восточное побережье Ургахада. Собственно, там и побережья-то никакого нет – одни горы, которые с другой стороны заслоняют пару городов, а сразу же за ними начинаются великие и ужасные Хельмерские степи. Где мы не так давно гарцевали в об-

личье кентавров.

Корд – основной и, пожалуй, единственный бог саррусов. Они не держат жрецов или монастырей, однако богу воинской доблести, по убеждениям каждого одноглазого, они и не нужны. Молитвы возносятся мечом. Неудивительно, что в его честь назвали не просто гору, а целый кряж.

Хотя, на мой взгляд, гора Рид повыше будет. Раза в два.

Однако и Щит выглядит очень солидно. Правда, не сейчас – контуры едва виднеются. Да что там говорить, если с кормы нос корабля не сразу разглядеть можно! Что от меня Линд хочет?

– Нет, не Щит. Вон там, крохотная точка.

– Любезнейший мастер Тильман, – иронично сказала я, – я не то, что точку, я сами горы едва вижу. Это у вас зрение, как у сокола во время охоты, а мне дождь все же немножечко мешает. На что похожа твоя точка?

– Корабль, – уверенно сказал он. Я вздохнула.

– Ладно, пока Ксам спит – правьте туда.

Засовывать боцмана в ночную вахту через сутки меня надоумил Сейтартр. Он говорил, что так их гоняли первое время в имперской армии, и уточнил, что выматывает напрочь. Днем спится плохо, тем более, в любой момент может случиться тревога или еще что-то в этом роде. Так что, пока Рыжий занят или спит, ему недосуг волноваться.

Слабый ветер, заставляющий дождь идти немного наискось, и мощь рунного двигателя в итоге сумели аккуратно

подвести нас к загадочному объекту, который плавно показывался на одном месте. Линд оказался прав – это действительно корабль. Без огней, без единого человека на палубе. Отсюда еще не пойму, но, кажется, паруса порваны в клочья, и судно медленно дрейфует. Старый корабль, эдакая широкая двухпалубная «калоша», но парус...

Парус красного цвета. Вернее, те обрывки, которые можно отсюда разглядеть.

В мире Кихча красными парусами пользуется только Торговая Гильдия.

Могущественная и влиятельная организация на суше, они также обладают большим торговым флотом. Мы и сами нередко покушались на корабли Гильдии, они охраняются лучше, но и приносят больше добычи. Правда, держать собственный военный флот им никто так просто не разрешит, из-за этого гильдейским купцам вечно приходится нанимать ребят со стороны.

Кстати, про ребят со стороны. В борт «Храпящего» мягко ткнулся темный продолговатый предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался куском фальшборта. Я присмотрелась, и увидела на беспокойных волнах еще с десятков подобных. При кораблекрушении самые тяжелые части судна обычно тонут, а вот такие остаются долго плавать на поверхности.

Рядом через борт перегнулся Джад, ткнул пальцем, привлекая мое внимание:

– Смотри, Тави. Они от разных кораблей.

Действительно, внимательные глаза старпома заметили то, что не рассмотрели мы с Линдом – рядом плавало несколько досок фальшборта с резными перилами. Только на одном фрагменте перила выкрашены в белый цвет, а на втором – в темно-синий, почти черный.

– И чего? – не сразу поняла я.

– А того, что они в щепки разнесены. Торговый-то хотя бы на плаву держится, а это, вероятно, два корабля охраны.

– Не справились с управлением и приземлились на скалы? – предположил стрелок. Джад покачал головой:

– Вряд ли. Вообще, вся затея мне не по нраву. Может, возьмем курс прямо в Зиммер?

– Проверим, что с торгашом. Не думаю, что уйдет много времени, – возразила я, щурясь от ручьев воды, превративших волосы в какие-то черные водоросли.

Малым ходом приблизились к торговому кораблю. Линд и Шэм привычно закинули абордажные крючья, намотали на валы, стянув борта. Несколько досок треснуло и отвалилось, пришлось перебрасывать «кошку». Я с удивлением выискивала хоть что-то уцелевшее, но тщетно.

Реи перебиты, бизань-мачта сломана у основания, паруса снесены начисто, корма поменяла свои очертания. На корпусе ни ожогов, ни других следов стихийной магии, но потрепано судно изрядно. Много серьезных дыр размером с человеческую голову. Такое впечатление, что огромное и зу-

бастое чудище решило перекусить, однако нашло деревянную скорлупку недостаточно изысканной для своего рациона. И выплюнуло, не прожевав.

Вцепившись в мокрое дерево, я спрыгнула вниз. И тут же едва не провалилась ногой в солидную продолговатую дыру.

– Вот неистовая сила, – потрясенно произнесла я, осматриваясь вокруг, – как он еще держится на плаву?

– Не знаю, но лучше поторапливаться, – проворчал Джад, приземлившись рядом. – Не ровен час, такая посудина может очень шустро пойти ко дну. Слышишь? Вся поскрипывает. И смотри – белый флаг на бизани.

Вращая головой, я все никак не могла понять – что особенного именно в этом корабле? Да, старое, едва не развалившееся от возраста корыто. Кто-то оказал ему услугу и окончил тяжкую жизнь в бою, но почему у меня вся шерсть на спине дыбом, как у напуганной кошки? Кусок паруса на задней мачте, который служит белым флагом?

– Я так понимаю, обыскивать его бесполезно? – донесся голос интенданта.

– Это верно. Отсюда унесли все, даже целые тросы подрезали. Даже...

– Люди, – негромко сказал Джад.

Вот оно. Кровавые пятна на палубе свидетельствовали о том, что здесь, наверху, явно разыгралось сражение. Но, если оно все же было – где трупы?

Морское чудовище потопило бы корабль полностью. Ему

незачем вслепую шарить по деревянному корпусу сложной конструкции, легче разломать преграду и выловить уже в воде съедобные куски мяса.

Ограбление? Но зачем так изувечили судно?

Слева, за мокрым куском паруса, виднелись очертания зеленоватого стекла. Я осторожно пробралась по угрожающе скрипящим доскам, балансируя руками, и подняла бутылку с отбитым дном.

– Ага! «Вералис». Здорово живут... вернее, жили, – хмыкнул Джад, увидев знакомую этикетку. За все рейды нам лишь один раз попался ящик такого, да и то – половину капитан торгового корабля успел вылакать. Больше не встречали, а жаль. Вкус был отменным. Когда, интереса ради, решили выяснить, где такое производят, нас ждал сюрприз. Мы невольно ограбили придворных ойлемского короля, ибо «Вералис» производится одной маленькой винодельней и поставляется прямо ко двору.

Такой вот финт судьбы. А спустя несколько месяцев мы отправились в безнадежную спасательную экспедицию и привезли оттуда почти целого короля, ага.

Отбросив выпуклый осколок в сторону, я медленно побрела обратно. Есть еще дела, а над загадкой пропавшего экипажа можно и позже поразмыслить. Кто-то сбросил трупы в воду? Не вижу резона. Зачем таскать тела, в угоду морским богам, что ли?

Корпус корабля резко вздрогнул, донесся очередной

скрип, будоражащий душу. Мне показалось, или он на якорь?

Тот же вопрос я задала вслух.

— Ага, я вот тоже почувствовал, — подтвердил мои подозрения старпом. — Наверное, цепь сорвало, но она еще на креплениях. Вот и стал, глубина здесь не такая большая.

Я выругалась. Не по нраву мне, честно говоря, все эти загадки.

— Еще корабль! — подал голос Линд, на всякий случай забравшийся на мачту. Как он может что-то разглядеть в пелене низвергающейся с неба воды — не понимаю. — Только он и на корабль-то не слишком похож!

— А на что похож? — не понял Джад.

— Черт его знает!

Сколько не силилась увидеть то, о чем рассказывал лучник, так и не смогла. Но решение приняла — надо отступать. Еще на нас взвалят гибель команды и разграбление торгового судна. Обидно — никакой выгоды, а ответственность нести надо.

Краем глаза заметила, как Джад метнулся к корме, крикнула:

— Ты куда?

— Надо проверить, может, есть выжившие...

Странно, никогда не замечала за ним такого великодушия.

— ...захватим одного с собой, и допросим!

А, все в порядке. Старый добрый Джад Стефенсон, сапог морского короля ему в глотку. Я возразила:

– Нет! Свои шкуры дороже. То, что сделало это, может до сих пор плавать поблизости. Давай на шхуну.

Словно в подтверждение моих слов, донесся раскат грома. Предзнаменование?

Джад, несмотря на брюшко, ловко подтянулся и перелез обратно, я последовала за ним, попутно отцепив глубоко впившийся в то, что осталось от борта, стальной коготь абордажного крюка. Сверху снова подал голос Линд:

– Станный корабль, капитан! Без парусов, а идет едва ли не резвее, чем мы!

– Может, думали, что будет буря, – крикнула я в ответ. – Вот и сняли.

Но то, что он способен передвигаться так, дурная новость. Рунный двигатель. Последние десять лет полным ходом идет переоборудование военного флота империи Грайрув, и новейшие корабли уже приближаются по возможности к «Храпящему». По крайней мере, фрегат, бодро рыскающий на двадцати узлах, я видела собственными глазами. Благо, в тот раз разминулись.

– Так он и без мачт! Вернее, одна мачта есть, но уж больно толстая. И... горит?

– Как это – горит? – с напряжением в голосе спросил Сейтартр. Мне его тон в одно мгновение начисто отбил желание познакомиться поближе. С загадочным судном, вестимо,

не с интендантом.

– Не видно отсюда! Кажется, дым идет, не могу толком разглядеть.

До силуэта, который теперь заметили и мои глаза, около двух миль. Может, две с половиной, но боевого столкновения у них явно не выйдет. Развернемся да и сбежим.

– А чего стоим? – недоуменно спросила я. Джад ехидно подначил:

– Так приказов же не было.

– Вот сучьи дети. Как будто неясно – поднять паруса! Рулевой, двигатель на полную, отворот на восемь вправо, уходим в океан!

Сейтарт, натянув очки и шлем, со вздохом заметил:

– Несколько дней потеряем... да и припасов не так много осталось.

– Лучше несколько дней, чем голову, – разумно заметил один из матросов, натягивающий с собратом тугой, скользкий фал. Паруса быстро бежали наверх, ветер, не забывая хлестать по нам тысячехвостой плетью дождя, неохотно наполнял их. Еще раз грянул гром, звук получился какой-то вдвоенный. Странно – звук есть, а молнии нет. Они так-то обычно вместе приходят.

Корма купеческого судна, того, что в крупную дырку, внезапно покосилась еще больше и брызнула крупными сколами, обнажая светлое дерево. Мимо меня со свистом что-то пролетело, да так, что разметало капли, падающие сверху.

Как будто ребенок промчался по осенней луже, забрызгав всех прохожих.

Еще не понимая, что происходит, я пошла в каюту за по-сохом. Плащ уже не поможет, промокла до нитки. В ту же секунду фок переломился прямо под марселем, вместе с парусом рухнув вниз.

Что?

Нечто тяжелое ударило в борт соседнего судна, на сей раз мне удалось увидеть след – черная точка, которая, быстро приближаясь, с невероятной скоростью и мощью проломила несколько переборок. О том свидетельствовал звук, по которому бывалый моряк сразу понимает, что дело плохо. Пострадавший «Хисс», кажется, так гласила табличка с названием, угрожающе накренился, а вес оставшихся мачт начал пригибать его к поверхности воды. Мой взгляд застыл на той самой бутылке, что сейчас медленно катилась вниз.

– Это не стрела, даже не магия... – потрясенно пробормотал старпом. И здесь я с ним была совершенно согласна. Да хранят нас боги от стрел, которые с легкостью преодолевают две мили и способны разрушать корабли!

Глава 4. Раскаты грома

Магии я действительно не ощутила. Но, если у них и есть то, что может достать нас с такого расстояния, мы не совсем беззащитны. Посох стоял по правую руку от входа в каюту, там, где я его и оставила. Да, выходить без оружия – непростительная глупость, однако я просто не могла предположить... и чего я оправдываюсь? Сейчас хвост нападающему и поджарим.

Оно ведь как получается – мы вышли не пограбить, а, следовательно, крепить парус «для устрашения» нет никакой нужды. Для стороннего наблюдателя «Храпящий» сейчас выглядит обычной шхуной под белыми парусами. Интересно то, что в ненастье вражеское судно атаковало без раздумий. Сразу две вещи приходят в голову – либо у них очень хорошие приборы наблюдения, которые позволили разглядеть меня (что, в свою очередь, позволяет безошибочно определить наш корабль, как пиратский), либо же они атакуют всех без разбора. В пользу второй версии говорит покалеченное судно перед нами.

Я захватила и подозрную трубу, тут же разложив ее и отвернув защитную кожаную манишку, чтобы дождь не заливал линзы. Пока мы закрыты корпусом торговца, можно потратить несколько секунд на то, чтобы прицелиться в слабое место. Очень странный корабль. Хотя такие «уши» по бо-

кам я уже видела, их использует отец для некоторых флеллов. Внутри обычно размещаются два больших маховика, но здесь... похоже, да не очень. Два больших колеса, едва виднеющихся под защитными листами металла, которые без устали загребают воду. Труба, из которой и вправду идет дым.

Борта то ли обшиты металлом, то ли полностью изготовлены из него. Никаких парусов, никаких мачт. На палубе виднеются несколько фигурок, но отсюда мне не обеспечить достаточную точность...

И демоническое оружие, наброски которого мы видели на захваченных летом прошлого года чертежах!

Бесспорно, это оно. Необычная надстройка на палубе, укрытая массивным металлическим щитом, снова издала громовой звук. Плюнула в нашу сторону двумя черными точками, что, быстро приближаясь, заставили меня боязливо отпрянуть от окуляра. Но, к счастью, оба загадочных объекта врезались не в нас.

«Черный металл огнем, созданным магией, не поразить. Любое направленное заклинание на него не подействует, а, если пробудить стихию вокруг него, вреда она не причинит. Все металлы, кроме драгоценных, высасывают из колдовства то, что дает ему первоначальную силу. То же самое касается и самого мага – даже простые железные кандалы значительно его ослабят, хоть и не лишат возможности творить волшебство».

Да, мастер Флойд Перегрин, безусловно, ваши наставле-

ния сейчас меня очень воодушевляют. А ведь пять лет прошло со второго курса.

Есть способ. Прямая передача разрушительной мощи через объект сосредоточения – например, посох, как у меня.

Я прищурила глаза и тщательно направила оружие, сконцентрировавшись на том, что из фокусирующего кристалла в наверху должна вырваться чистая сила. Луч янтарно-желтого цвета указующим перстом протянулся к трубе, затем еще один с силой ударил по водному колесу.

Ничего.

Мать вашу, совсем ничего. Ни взрыва, ни каких-либо повреждений. Настолько совершенная защита, что просто отрицает любую магию? Настолько специфический металл? Или они ухнули на загадочное судно несколько миллионов золотых, и весь металл, защищающий его, теперь дополнительно испещрен защитными рунами?

Я выругалась. Вот не было печали...

Думай, голова ушастая. Думай, а то шапку будет покупать не на что. Слишком многие сильные мира сего охотятся за твоей головой, и, учитывая, что монструозное оружие достанет нас, как только выйдем из-под защиты полуразваленной лодчонки... ой, чья-то песенка спета. Не то чтоб я совсем ударились в нервы. Профессия у нас рискованная, рано или поздно стоит ждать неминуемого возмездия.

Но, во имя трех демонов Лунного Танца, мне не наскучит задавать один-единственный вопрос. Почему именно сей-

час?!

Да, мы попались, причем глупо попались. Однако встретить мы врага на противоположных курсах – расправа могла бы стать намного короче. Пара таких громовых плевков ниже ватерлинии, и все. Как можно выиграть бой с подобным монстром? Бортовые баллисты не могут стрелять даже на милю, а магия на него не действует... ни в каком виде.

Можно было бы призвать опасное морское существо, но, как я уже упоминала, подобным мастерством не владею. Да и вряд ли кто-то на всем Кихча может сотворить подобный трюк.

Магия, магия... что я так зацепилась за магию? Не в ней ключ, или не только в ней. Не можешь драться – беги. Но, если я наброшу иллюзию, у них вполне может оказаться один из артефактов Прозрения. Стоит попробовать, в любом случае.

Вообразив, что на нашем месте теперь лишь спокойные бурунчики невысоких волн, а чуть выше – только дождь и туман, я с удовольствием отметила, что следующие громовые раскаты плюхнулись в воду правее от нас. Но затем что-то угодило прямо в корму, тяжело тряхнув весь корабль. Я не удержалась на ногах, несколько матросов тоже оказались на палубе.

– Как с ним сражаться? – беспомощно крикнул Джад. Я помотала головой, прокричав в ответ:

– Не смогу вывести его из строя, даже частично! Все на-

ше оружие бесполезно, уходим! Рулевой, маневрируй! Три вправо, затем два влево!

Если бросать шхуну из стороны в сторону, некоторое время можно уклоняться от страшного оружия. Перед внутренним зрением мелькнули чертежные листы, в заголовках которых значилось «корабельное орудие второго класса», «комбинированный заряд взрывного действия на основе известных алхимических соединений», «подвижная броневая башня». Это самое «орудие» нас сейчас и добьет.

Отчаявшись, я решила прибегнуть к последнему способу. Рванув старпома за рукав, проорала тому прямо в ухо:

– Создай между нами туман и поддерживай, пока не дам знак!

– Что-то задумала? Если да, то лучше бы поторопиться, – нервозно кивнул он и, сосредоточившись, поднял водную взвесь между пиратской шхуной и противником, превосходящим нас во всем. Кроме, пожалуй, скорости, но ее мы потеряем, пытаюсь избежать повреждений.

Еще два. На сей раз – в борт под нами, одно в ют, одно в переборку, известившую о попадании оглушительным треском. Палуба даже слегка вздыбилась. Каждые пару десятков секунд они будут отгрызать кусок моего корабля. Моего! Корабля!

Злость, особенно боевая злость, нередко помогает, если использовать ее правильно. «Правильно» – означает примерно «не тогда, когда ты не можешь причинить врагу ни еди-

ной царапины».

Два месяца назад, когда мы бежали из тюрьмы, мои люди убили мага по имени Вициус, забрав его книгу заклинаний. Конечно, там было чертовски много хлама, а некоторые из строк я уже видела, когда обучалась в Коллегиальной Академии Телмьюна. Тем не менее, узнала много нового. Например, мечта любого шпиона – заклинание невидимости. Бедда только в том, что, будучи магом второго круга, я не так сильна, как Вициус. Он-то наверняка был первого, а умер исключительно по собственной глупости. Истошил собственные силы, а затем его прирезали во сне беглые заключенные.

Так вот, безвременно почивший мог сделать невидимым целый корабль. Выкинув лишнее из формулировки, я сократила размер заклинания до одного листа, но, сколько бы ни тренировалась в его использовании, сделать невидимым, например, замок, мне так и не удалось. Возможно, смертельная опасность даст нужный стимул? Ну, знаешь, Тави, такая штука, которая вместо деревянного борта с удовольствием проделает кровавую дыру в твоём собственном теле?!

Страх пришел неожиданно, но сгинул в глубинах самоконтроля. Нас, студентов, третируют, не позволяют любить или ненавидеть, не допускают безумных выходок – все ради того, чтобы приобрести силу. И, скажу откровенно, такой стиль обучения помогает. Я сделала глубокий вдох, выдохнула, и лишь затем набросила незримую сеть на мачты «Храпящего».

Этап первый, он же самый сложный. *Инизамо, кроверфс агни*... оплетение предмета. Глазу, даже самому остроуму, не заметить нити, которые сейчас обволакивают судно от бушприта и до кормы. Кое-где остаются прорехи, но сейчас ими можно пренебречь.

Этап второй. Замещение. Каждая нить пожирает материю пространства извне, заставляя зрительный образ предмета, на который направлено заклинание, исчезнуть. При этом все, что находится внутри «свертка», останется невредимым.

И третий, трансляция. Перемещает на противоположные стороны искаженного кусочка мира изображение того, что находится за предметом для стороннего наблюдателя.

По описанию – вроде бы несложно. Но когда все это приходится произносить на языке Древних почти минуту, ни разу не сбившись, задействовав в процессе огромный запас собственных сил... становится понятно, почему талисманы, амулеты, заклинания невидимости встречаются раз в тысячу лет. Во время сотворения колдовства по нам попали еще несколько раз, и шхуна дала крен на левый борт. Пробоина? Выдохлась, чуть не легла тут же, на шершавых и мокрых досках, но нашла в себе силы отдать приказ:

– Лево руля! Идем вдоль Щита в Грайрув!

– Пробоина у самой ватерлинии! – раздался крик с нижней палубы. – Помпы работают с перебоями, нужно еще пару человек, чтобы заткнуть дыру!

Джад, свирепо ругаясь, загнал вниз Хога и Балбеса. Если б

я что-то хотела понять сейчас, так это почему ночная вахта все еще спит.

– Ты в порядке, Тави? – подхватил он меня под руку. Я, опираясь на его плечо, встала, пошатнулась. Затем оттолкнула старпома и молча кивнула. Не сахарная, небось. Увидев, что оставшаяся часть фок-мачты переломлена у основания, приказала срубить ее к демонам. Джад сам взялся за топор, все заняты, нет ни единой возможности сесть и отдохнуть.

Страшный скрежет послышался со стороны кормы, недоумение быстро сменилось очередной, не самой приятной догадкой:

– Сорам, останови двигатель! Он нас выдаст...

– Есть! – крикнул рулевой, подняв рычаг в исходное положение.

Чума на их голову. Теперь еще и рунный двигатель поврежден.

Хотя изначально мы выходили из этой схватки с одним-единственным результатом, весьма плачевным для двух десятков пиратов.

Враг еще несколько раз пальнул туда, куда мы держали курс минутой ранее, затем беспокойно покрутился на месте (насколько вообще можно представить «беспокойное кручение» массивного судна) и взял курс на север.

Спустя несколько десятков минут на палубе показался боцман, весь грязный, взъерошенный. По его лицу медленно стекала вода, рисуя узоры из грязи и масла. Погода стала

заметно мягче – дождь сейчас падал отдельными, разреженными каплями, как будто нарочно ждал именно такого момента. Потирая короткую бороду, рыжей, немного вьющейся щетиной обрамляющую челюсть, Ксам заявил:

– Да, проснуться от такого... не самый приятный момент. Что вообще случилось?

– Напали на нас, – устало произнесла я. – Сейчас мы под покровом невидимости, магов у них наверняка нет.

– Почему ты так думаешь? – спросил Джад, усевшись прямо на палубу. Огрызок мачты на носу иссечен рубящими ударами, думаю, если бы он попробовал срубить ее сейчас, ни черта бы не вышло. Мачты не рубят боевыми секирами, более того, композитное дерево даже обычным плотницким топором не сильно-то и возьмешь.

Не иначе, как чудо. Хотя отсутствие колдунов на вражеском корабле вовсе таковым не является. Я задумалась, откуда же мне пришла в голову сия блестящая мысль. Ах, ну конечно.

– Засунь боевого мага в простую железную бочку, и он мало что сможет сделать, – усмехнулась я. – А у них – целое судно, оббитое металлом с рунами защиты. Я ведь именно поэтому так и не смогла нанести им хоть какой-то урон, даже прямыми атаками.

– А забросать камнями своими ты их сможешь? – спросил Джад, обращаясь к рыжему.

– На две мили? Я так далеко не размахнусь. И бортовые

баллисты стреляют метров на четыреста, от силы. Надо было обрушить на них воду. Много воды, – угрюмо сказал боцман.

Я объяснила, почему вода, связанная магией и подталкиваемая магией, будет рассыпаться, едва дотронется до защитных рун, и любопытный Ксам, кажется, уgomонился. Джад Стефенсон в сердцах стукнул кулаком по многострадальной палубе:

– Проблема в том, что мы не можем даже взять их на абордаж! Пусть и невидимые, тогда хоть можно было бы попытаться... из трех мачт осталось две, двигатель не работает, кливера сорваны вместе с фоком. Я сомневаюсь, что можно сейчас выжать из нашей скорлупки восемь полных узлов.

Какой-то ответ, ироничный и горький, вертелся в моей голове, однако его прогнал неясный звук, который становился все громче. Мороз внезапно продрал все тело, с головы до пят.

Со средней палубы доносился протяжный, тонкий вой.

Внизу, в узком проходе между кают, куда рванули все, кто не был занят работой, мы обнаружили сорванную с петель дверь и солидную дыру в ней. От переборки до переборки с глухим стуком катался шар, судя по весу – чугунный, но залитый внутри свинцом. Я не обратила на него внимания...

У койки стоял на коленях Ойген и рыдал. Крупные, увесистые слезы тут же утирались рукавом рубахи, но у меня тоже ком подкатил к горлу.

На своем законном месте – за то, кто будет спать снизу, они, кажется, тоже дрались – лежал Тумас. То, что осталось от Тумаса. В борту, у изголовья, зияла дыра. Один из смертоносных громовых плевков не только прошил борт, но и поразил тело матроса. Человеческое тело... такое хрупкое. Такое уязвимое.

Ему оторвало, превратило в кровавые брызги голову, шею и часть груди вместе с левой рукой. Предплечье и кисть до сих пор лежат на полу. Судя по пробоине, Тумас сидел на койке, когда в нас в очередной раз попали. Левое плечо его брата все в крови, рубаха тоже забрызгана красным... поднял, еще не веря в смерть, перевалил на кровать. Ойген краем глаза заметил движение в двери, чуть ли не прыгнул ко мне, сжал в тяжелых, но сейчас бессильных кулаках белую ткань моей рубашки.

Не замечает, что оставляет кровавые пятна, смотрит с надеждой: а вдруг...

– Прости. – Я едва смогла выдавить из себя одно слово, затем опустилась на одно колено и обняла его. – Маги не повелевают жизнью и смертью. Я... не могу. Не сумею. Никто не сумеет.

– Но должно же быть что-то, – надломленным голосом произнес он.

Нет.

Ничего нет... я слышала, что некоторые алхимики, из величайших, нашли способ упрятать человеческий разум

в анимуса, колдовского или механического. Но для этого нужен мозг. Голова.

Я вышла из каюты, оставив Ойгена наедине с его горем. Ощущение, что мне нужен свежий воздух и капелька божественной мощи, чтоб уничтожить тот корабль до последнего гвоздя, последней заклепки, продолжало настойчиво колоть душу. Большим, длинным трезубцем. Так, чтоб наверняка достать.

Вышла на палубу, двинула ногой ни в чем не повинный пустой ящик. Уселась на него, прислонилась спиной к юту. Тут же вскочила, пошла на нос, подобрала вовремя перерезанные шкоты. Меня догнал Ксам, вопросительно посмотрел, ничего не говоря. Прокашлявшись, я отрывисто сказала:

– Привяжем кливера к грот-мачте, может дать пару узлов. Держи свой конец.

Механическими движениями завязала двойной морской узел, чтобы удлинить большой леер, передала Рыжему, который сноровисто полез на мачту. Деррек осторожно забрал у меня веревки, я просто отошла в сторону. Да, не мое дело, но надо чем-то заниматься, иначе съест проклятая горечь.

– Капитан? – подал голос Линд.

– Возьмите запасной парус, заверните в него тело. Чтобы утонул, привяжите его молот. Похороны с оружием и в морских глубинах... думаю, он хотел бы этого.

– Сделаем. Еще приказы?

Я закрыла глаза.

– Нет. Иди.

Старпома и интенданта нигде не видать. Помогают внизу, наверное. Граф перевязывает мелкие царапины тем, кого задело брызжущим во все стороны деревом, наносит заживляющую мазь.

Вина на смерти каждого члена команды лежит, прежде всего, на мне. Никакие отговорки здесь не помогут. Я капитан, я должна делать так, чтобы все оставались живы. В тот момент мы не могли принять бой, поэтому не отдала приказ «Свистать всех наверх»... жалкое оправдание. Может, если бы самоуверенность не затмила мой взор, мы бы успели спрятаться под покровом невидимости. Может, может, может.

Кем для меня был Тумас? Беглым заключенным? Парнем, который несколько раз вместе с другими спасал мою шкуру? Подчиненным? Другом? Частью команды...

– Капитан... если вас не затруднит.

Нытик. Тоже стоял в ночной вахте и отсыпался сейчас. Ранен. Из плеча торчит длинная, зазубренная щепка – уже даже не щепка, а кусок доски. Рана глубокая, но матрос терпит. Понимает, что мне не до того.

Кивнув, я бесцветно произнесла:

– Давай, попробую. Не взыщи, если не получится, я порядком выдохлась.

С силой выдернула обломок, Нытик охнул, переступил с ноги на ногу, словно конь в стойле. Слова лечебного за-

клинания прозвучали как-то отдельно от меня, будто произносил их совершенно другой человек. Ну, я о том, что я же наполовину человек. Могу ли я применительно к постороннему существу сказать «другой человек»? Хотя, возможно, для этого надо и самой...

Угораздило.

Полтора года мы скитаемся по морям без потерь. Чед не в счет. Он из игрушки превратился в члена команды, но покинул ее, как только получил такую возможность.

Тумас. Демоны тебя раздери, как же ты так.

И близнец твой тоже сейчас вышел из строя. Надолго. Убитый горем человек сражается только до тех пор, пока есть возможность отомстить. Как муравей может мстить горе? Медленно вдохнув, затем потратив несколько секунд на выдох, я до боли сжала зубы. Говорят, что пираты бессердечны, любят издеваться над жертвами. Говорят, что капитаны пиратских команд ни слезинки не проронят за всю свою недолгую, но полную бурных приключений и авантур жизнь.

Хочется верить, да нынешнее состояние только и просит налакаться хмельного пойла да разрыдаться у кого-то на плече. Точно так же, как минуту назад сделал Ойген. Кстати, надо ему выдать, из запасов. Иногда, если человек был особенно дорог, сердце не выдерживает – брага не выход, но лучше уж так.

– Пункт двадцать шесть, – произнес Джад, садясь рядом.

Только в штанах и сапогах, устало, но твердо смотрит на меня. Словно ожидает ответа. А я сначала подумала, что ослышалась:

– Что?

– Говорю, пункт двадцать шесть корабельного устава. «С момента выхода в море мы вверяем свою жизнь случаю, и никто, кроме нас, не несет за нее ответ», – сказал он, очевидно, ожидая от меня какой-то реакции.

– Это жестоко, – невесело усмехнулась я.

– Это жизнь.

– Он прав, капитан.

Бледное, землистого цвета лицо Ойгена показалось наверху. За веревки он тащит сверток парусины, со стороны лестницы его поддерживает лучник.

– Я никого не виню, – глухо сказал он. – Я просто хочу найти того, кто отдал приказ о нападении, и зубами вырвать ему глотку.

– Не он один! – крикнул боцман с мачты. Палуба огласилась яростными криками, но я поднялась на ноги и громко ответила:

– Давай сохраним жизнь тому, кому еще в силах сохранить. Твоя Узана, если она жива, переедет в бывшее баронство, а потом займемся тем, чего просит кровь Тумаса Жамсби!

Сверток с телом положили на борт, привязали тяжелое оружие матроса, чтобы он не всплыл и не качался раздутым

трупом на поверхности воды. Сейтарт, только сейчас показавшийся на палубе – осматривал двигатель, полагаю – подошел к нам, достал из кошелька пару золотых, засунул под несколько слоев ткани. На вопросительные взгляды сказал:

– Пусть и на том свете лапает баб и пьет дорогое вино.

– Лучшая погребальная, что я когда-либо слышал, – сплюнул в сторону один из матросов. Все сгрудились вокруг, желая отдать последние почести товарищу, пусть даже настолько неуклюже. Мы – не лучшие ораторы.

Ойген всхлипнул. Затем утер насквозь промокшим рукавом лицо, опустил ладонь на парусину. Помолчал некоторое время, затем медленно проговорил:

– Прости меня, брат. За все прости... твоей пролитой кровью клянусь, мы найдем это демоническое судно и уничтожим его.

Отвернувшись, я побрела в сторону своей каюты.

Кем был для меня Тумас?

Родственником. Из близких. Из тех самых, что, как и ты, хотят наживы, хорошей драки, шума морских волн над ухом. Он поднимал молот во имя своего капитана, разбивал им камень, лед и крушил черепа. Что ж... я найду способ отдать долг. Пусть даже пока что и примерно не представляю, как это сделать, и что для этого понадобится.

Сзади раздался плеск, приглушенный шумом дождя.

За мной увязались двое – главный механик и главный лекарь. Я кивнула, приглашая их в каюту. Села, вернее, пова-

лилась на койку, больно ударившись головой. Ничего, ей полезно. Указала подпиленным когтем на Графа:

– Докладывай.

– Остальные живы и здоровы. Ничего серьезного, – кратко сообщил он. Посмотрел на Сейтарра:

– Что с двигателем?

Тот выругался, затем уже более спокойно произнес:

– Плохо все с двигателем. Рулевой трос держится на паре волосин, мы его кое-как скрепили, но потребуется серьезный ремонт. Перебиты правые приводные валы, туда сразу два снаряда угодило. Крылья маховика погнуло, тем не менее, это можно исправить. Нам нужно причалить, а, по-хорошему, обратиться на верфь.

Отличная шутка – на верфь обратиться.

– В Грайруве? Нас возле той верфи и повесят. Меня, во всяком случае. Кроме того, если повреждены какие-то детали рунного двигателя, их можно достать только в одном месте, – подчеркнула я. Сейтарр скривился. Хотя он прекрасно знал, что я предлагаю единственно допустимый выход – рунные двигатели производили лишь заводы моего отца. Единственная деталь, которая изготовлялась Объединением Механиков – сам маховик, из какой-то невероятно крепкой стали.

Но возвращаться в Телмьон, столицу империи Серого Жемчуга, наполненную серьезной магией, полицейскими патрулями и агентами Тайной Канцелярии не хотелось ни-

кому. Место нашего первого преступления имело на компанию морских бродяг изрядный зуб.

Глава 5. Эмбарк

– Сколько людей тебе нужно?

Сейтарр как-то странно посмотрел на меня, затем кашлянул в кулак, выражая недоумение:

– Все. Уж не думаете ли вы, капитан, что я сам могу заняться ремонтом корабля?

– В случае необходимости – почему бы и нет, – вздохнула я. На душе паршиво, так еще и собственный интендант людей не дает. Как будто они у него в кладовой лежат штабелями, а мне без накладной туда не пробиться.

Мы причалили в укромной бухте недалеко от Жумейжика. Бывшая столица королевства Маннегот... всего лишь каких-то две тысячи лет назад присоединилось к империи, а затем и королевством быть перестало. В городе мы решили заночевать, затем запастись снаряжением и двинуться в путь. При хорошем раскладе дорога пройдет мимо всех крупных городов прямо к Пурпурному озеру, а там уже вдоль его западного берега в Роксомм.

А еще я хочу оставить в Жумейжике Ойгена. Дать ему залить горе, оставить кого-то в компанию, чтоб совсем голову не расшиб. И весь список того, кто обладает хоть какой-то ответственностью, состоит из четырех пунктов. Линд, Мархес, Деррек и Джад. Сейтарр остается руководить ремонтом, так что он не при делах. Старпома в любом случае заберу

с собой, Ксам, ясен пень, тоже с нами. Его сестра, все же, не моя.

Да, было бы неплохо «забыть» Джада здесь и иметь постоянную Нить для связи. Затем столкнуться с магом, превосходящим меня и по силе, и по знаниям, и бесславно погибнуть.

Линд, Мархес, Деррек. Стрелок, как всегда, отнесется к моему приказу с предельной серьезностью, но собеседник по душам из него не самый подходящий. Деррек обязательно утащит с собой Чинку, в то время как здесь она могла бы заниматься парусами. Остается только смуглый копьеносец в качестве возможного напарника и, заодно, охранника для Ойгена.

Мархес некогда приплыл в Грайрув с одного из мелких островов вдоль побережья Консьегена. Говорит, что на обычной весельной лодке, хотя расстояние там нешуточное. Жилистый, даже мускулистый, с тонким шрамом под левым глазом и татуировкой в виде широкого браслета на правой руке. Глаза такого насыщенного карего оттенка, что отдают красным цветом, а в сумерках становятся почти черными. Абсолютно безволосый, как младенец.

Считает Линда кем-то вроде большого уродливого бога – ходит за ним хвостом и постигает мудрость наемника. Приказы выполняет в точности и беспрекословно. Да, пожалуй, он самый подходящий человек в качестве собутыльника. Не даст натворить глупостей, поможет в трудную минуту.

Треснет по голове, исключительно по-дружески.

Я оттащила матроса в сторону и пояснила ему новую задачу. Интенданту не сказала, объявила только, что забираю с собой пять человек. Двоих оставлю в Жумейжике, дальше пойдем вчетвером. Двадцать один... мать его, двадцать человек в команде – значит, здесь останутся четырнадцать. Небольшой отряд также отправится в Телмьюн с сопроводительным письмом для моего отца. Конечно, я предпочла бы иметь дело с независимыми торговцами, однако выхода нет.

Рихард Шнапс – не тот человек, чтобы поверить на слово группе каких-то бродяг. Надеюсь, тайные знаки в письме его убедят.

Шестым, конечно же, пойдет Граф. Насколько я знаю корабельного врача, к ремонту его на милую за... кхм, уши не затащишь, а вот боевые умения «лекаря» невозможно переоценить.

Дорога неблизкая – миль семьсот, даже если учесть, что первая половина пути пройдет по бескрайней равнине, на которой одиноко возвышается город-крепость Дилленбрехт. Его мы, разумеется, обойдем стороной, как и любые города по пути. Чем больше город, тем больше шанс, что со стен таверн и прочих увеселительных заведений на меня будет смотреть собственная зубастая рожа. Говорят, Пройдоха (тот, который Варанг и император) не поскупился на художников, а на плакаты извели целую рощицу неподалеку от столицы.

Еще бы. По расчетам Сейтарра, мы стрясли с одних только грайрувских кораблей добычи почти на сто тысяч варангов. В масштабе империи это жалкие крохи, но сучий император ведь удавится за каждую монетку. Собственно, туда ему и дорога. Как власти не питают особой любви ко мне, так и я не скуплюсь на бранные слова для них.

– Знаешь, а ведь все складывается, – нарушил молчание Граф, увязывая дорожный мешок. Среди офицеров традиция обращаться ко мне на «вы» все больше и больше угасала. Хоть что-то удалось из них выбить. – Получается, что те ничтожные ублюдки сначала изрешетили конвой из своих... как ты их назвала?

– Орудий, – мрачно ответила я.

– Вот, из своих орудий. А затем то же самое проделали с уже пустым кораблем Гильдии.

Недоумение тревожно постучало изнутри. Прямо в череп.

– Почему – пустым?

Граф поднял глаза на меня, повел рукой вдоль земли, как будто что-то показывая:

– Я думал, это очевидно. Они забрали груз, забрали людей как часть груза и оставили торговец, как приманку для нас. Конечно, хорошо рассуждать сейчас, после того, как все закончилось, однако мне казалось, что вы пришли к тем же выводам, капитан.

Опять он за свое.

– А мне сейчас кажется, что я – тупая скотина, – подыто-

жила я, зло затягивая тонкий шпагат на заплечном мешке. — Естественно. И корабль не принадлежал империи, поэтому все верфи и гавани были пусты. Поэтому ребята, когда плавали на разведку, ничего не нашли ни в бухте Маверик, ни в десятке других.

Как только пришло понимание, прояснились и остальные детали внезапного сражения. Невероятно мощная, хорошо защищенная и смертоносная единица рейдерского флота, капитан которой на досуге баловался пиратскими выходками, могла без стеснения идти под флагом собственного государства — королевства Аргентау. Поскольку работорговля в других странах запрещена, остальных подозреваемых можно сразу вычеркнуть.

Откуда они взяли подобную силу? Тот еще вопрос. А насчет рейдерского флота — согласитесь, было бы глупостью строить только один подобный корабль. Хотя на большее может просто не хватить ресурсов... все же та сволочь величинной с хороший галеон. Так вот, судно ужасающей военной мощи без всякого стеснения зашло в территориальные воды Грайрува и подкарауливало неосторожных путешественников и купцов. Великолепно. Все их поведение говорит о том, что возможной потасовки с эскадрой грайрувцев капитан не боится. Или надеется на оную.

Вероятно, они даже не знали, что мы пираты. Трехпалубную шхуну с гафельным парусом легко спутать с торговыми или рыбацкими судами, особенно с расстояния в две мор-

ских мили. Просто решили поживиться еще и нашим грузом, однако не ожидали такого бегства. Ойген клялся кровью своего брата, что отомстит? Думаю, месть откладывается надолго, если только я что-нибудь не придумаю.

Единственный имеющийся у нас вариант – после того, как уладим дела здесь, повторно найти ублюдков, желательно, в ясную погоду, и подобраться к ним в невидимости. Шансы есть, но не слишком большие. На кораблях такого размера численность экипажа достигает нескольких сотен, а на магию во время абордажного боя именно на том судне полагаться нельзя. Как только мы с Джадом попадем на борт жестианки с рунами, сможем только оружием размахивать.

Без ложной скромности скажу, что считаю себя неплохим фехтовальщиком. Тем не менее, всего несколько стрелков с мардскими арбалетами сделают из меня симпатичную игольчатую подушечку. Как и из всей моей команды.

И, пока что, это лучший из имеющихся у меня вариантов. Остальные куда плачевнее.

Медленным караваном мы отправились в путь. Сейтарр давно уже продвигает идею о наличии на корабле какого-то сухопутного транспорта, например, флевилла. Или хотя бы паровой повозки, чтобы везти груз. Что ж, если повезет, купим в ближайшей деревне телегу с парой тощих кляч. Или просто пару тощих кляч. Несмотря на то, что поклажи у нас немного, транспорт никогда не помешает. Огромная разница – идти куда-то с мешком за плечами или налегке.

Преувеличение с моей стороны, сказать «налегке». На самом деле, даже если сложить провизию и спальные мешки в телегу, все равно останется личное оружие. У меня два меча – один стальной, один из йрвайского изумрудного стекла. Еще посох, еще кинжал в ножнах на правой ноге. Все это нужно где-то нести. В море обычно все проходит неторопливо, посему и держать при себе грудку железа нет никакой нужды, а вот здесь, на берегу...

У Ксама небольшая мешковатая сумка, переброшенная через плечо. Там, в специальных кармашках, он держит рунные камни, с помощью которых может взорвать что угодно. И, хотя данный вид является его излюбленным, носит с собой и другие: создающие дымное марево, охранные, нагревательные и охлаждающие. Фактически, вместо двух магов в экипаже целых три. Ну, два с половиной, не меньше, метко запущенный из пращи камень наносит ущерба ничуть не меньше, чем хорошее ударное заклятие.

Да он их и руками неплохо швыряет. Даже меня учил, однако в метании всяких предметов я не стала мастером. Глаз и руку набила, бесспорно.

Джад тащит на спине восьмиугольный щит, которым никогда не пользуется, а в руках – тяжелая секира. Тактика старпома: в опасный момент бросить оружие и поразить противника колдовством. Либо наоборот, подождать, пока на классический щит мага не выпрыгнет какой-нибудь мечник, а уж тогда опустить поле и отсечь ему одну из конеч-

ностей решительным ударом. Наблюдатель отметил бы, что Джад несколько трусоват, тем не менее, с поля боя еще никогда не сбегал. Научился, видимо, давить в себе неумную осторожность.

Тщедушный Граф с его стальной оглоблей. Тут и сказать-то нечего. Ладно, есть чего сказать – тщедушным его не назвать, тут яхватила лишнего. Просто изгнанный сын старинного дворянского рода низкоросл и не выглядит даже на десятую часть той силы, которой обладает. Правда, воздаст за сей неприглядный факт размерами носа и меча.

Секрет хорошего отряда – постоянный обмен навыками. Только так можно долгое время оставаться в живых, избегая военного флота, карательных эскадр и прочих благожелателей. На суше тоже нелегко, в общем-то. Именно поэтому в экипаже четыре-пять человек могут правильно очистить и зашить рану, обработать перелом, разбираются в травах и зельях. Хотя врач на корабле один, я ведь не совсем целитель, а маг-целитель. На ранг ниже, можно сказать. Именно поэтому те из нас, кто по причине отсутствия Искры не может использовать магию, держат в запасе какой-нибудь защитный амулет или иной трюк.

Именно поэтому все члены экипажа без исключения отлично владеют оружием, порой – даже не одним.

– Не берись за чужой огород... – нещадно фальшивя, затянул Ксам. Я поморщилась, бросив:

– Не берись за песню. Если петь не умеешь.

Вот с пением у нас полный швах. У всей команды. Интендант вроде бы играет на лютне и поет, но его голос сильным и красивым тоже не назовешь. Хорошо, хоть в ноты попадает.

Так и живем – без походной песни.

– Ага, – поддержал меня старпом. – На что у меня мелодии отвратные выходят, но твои песни, Рыжий – какая-то кошачья драка посреди весны.

– Хотел как-то воодушевить, – пожал плечами тот. Я хмыкнула:

– Получилось же. Когда прекратил петь.

Шестеро путников, навьюченные провизией и личным скарбом, нестройно шагали вдоль травянистых холмов, выстроившись в растянутую цепочку. Дорог здесь нет, только направления и тропинки, едва заметные. А берег такой дрянной, отвратительный – на мель не сядешь, а вот о скалы разбиться можно легко. Еле-еле нашли место, где можно на время оставить «Храпящий».

Я даже иллюзиями заниматься не стала. Встретить живого человека в этих местах... ну, все равно, что пытаться найти совесть у императора Варанга. Маловероятно. А за крамольные мысли о правителе Грайрува, насколько я слышала, тоже тюремный срок полагается. Вот только не пойму, они у каждого жителя будут мысли проверять? Затратно получается, да и эффективность такой проверки приближается к нулю. Обычный человек про империю, императора, имперские ам-

бии, имперские войны не думает совсем, конечно, пока они не затрагивают его интересы. Ему хватает забот о собственной мощи, о семье, хозяйстве, имуществе.

Дорога до Жумейжика заняла всего лишь двое суток. Видать, мы и вправду близко причалили, удобнее будет в город мотаться за деревом для починки. Я повидала многие города: волшебные и самые обычные, бурные и спокойные, преступные и город Арн-Коссад. Нет, серьезно, где еще можно застать начальника городской стражи, который журит непонятное страшилище, рассеянное в его кресле, за то, что он пару минут назад помыл пол? Жумейжик ничем не выделяется. Кроме того факта, что в порту находится крохотная, около метра высотой стелла на небольшом постаменте, где горделиво написано «Центр мира».

От посещения крупнейшей местной достопримечательности мы твердо отказались. Даже умеренная вонь субъекта, который настойчиво предлагал прогуляться по значным местам, меня не убедила, а моих компаньонов и подавно.

И, когда мы отыскиали таверну, я начала разговор, который откладывала и продумывала уже два дня:

– Ойген... останешься здесь.

– Почему? – недоумевающе спросил грустный здоровяк.

Так ничего и не придумала.

– Не буду врать, никаких секретных заданий для тебя нет. Дальше мы идем вчетвером, а вы с Мехресом остаетесь здесь.

– Почему? – повторил он.

– Отдохни, – сказал боцман, оглядываясь на меня. Мол, не умеешь ты, капитан, поддержку оказать в трудную минуту. – Развейся, сними бабу на ночь, осуши ведро спиртного, оплачь брата и возвращайся без единой мысли в голове, кроме настоящей боевой злости. Сейчас ты похож на рыбу, выброшенную на берег. Трепыхаешься, а толку нет.

Я и сама подметила, что у него даже походка изменилась, стала немного заплетающейся, угнетенной. Но Ксам тоже, мать его, успокоитель хренов. Поддержун.

– А. Понятно, – кивнул Ойген, криво усмехаясь. Бледная тень себя самого. – Бойтесь, что могу что-то натворить?

Пожав плечами, я ответила:

– Нет. Не хочу нагружать тебя работой по починке корабля, а с нами идти опасно по ряду причин. На «Храпящем» тебе сейчас каждая деревяшка будет напоминать о Тумасе. Очисти разум, и, когда поймешь, что готов идти в бой – возвращайся в бухту.

Вздых.

– Есть, капитан. Нажрусь за всю команду, можете не сомневаться.

– Еще одно, – добавил Джад. – Если что-то вдруг услышишь про такие металлические корабли, вызнай все, что получится. Любые сведения.

Ойген еще раз качнул головой. Видно, что не слишком верит в успех подобного дела, но, по меньшей мере, попытает-

ся. Хороший парень, хоть и прост, как нательная рубаха.

– Не вижу резона что-то еще узнавать, – лениво протянул Граф, когда матросы покинули нас. – Сейтарр еще там, на берегу сказал, что приводится та inferнальная машина в действие силой пара. Точно так же, как грайрувские паровые повозки. И все видели, что там труба с дымом вместо мачт.

– Нам нужно как-то подобраться к нему и взорвать, – сказал боцман, плотоядно потирая руки. Я возразила:

– Если подобраться и получится, там же целая армия на борту. Не сдюжим, учитывая, что останемся без магии. Так бы я их раскидала...

– ...как котят, угу, – ехидно закончил Ксам. – Уважаемый... или лучше говорить «уважаемая»? Кхм, уважаемый капитан, а вы не подумали, что там тоже могут быть маги?

– Подумала, – кивнула я, – представь, что ты не любишь яблоки. Не просто не любишь, а до дрожи в коленях и ненависти в глазах. И тут тебя ловят, сажают в бочку с яблочным повидлом, а сверху высыпают еще две корзины яблок, крепких и зеленых. Прямо на голову.

– Это ты к чему, Тави?

– К тому, что маг себя на том корабле будет ощущать очень и очень неудобно. Мало того, что металл подавляет наши силы, так еще и чертова рунная защита от магии везде, где только можно. Могу почти гарантировать, что колдунов там днем с огнем не найдешь. Нам, правда, ничуть не легче

придется.

Ботцман поскреб бороду, затем выдал:

– Ясно. Значит, с абордажем не выгорит.

– Мы, в сущности, не солдаты, – развела руками я. – Я не могу бросать команду в самоубийственный бой, кто-то скажет: а оно мне надо? И имеет на то полное право, подчеркну. У нас нет превосходства, кроме хваленной невидимости, но поддерживать ее на каждом в отдельности я не смогу. Помнишь, за сутки мы говорили про Аргентау, Джад?

– Ага, – кивнул тот, – я начинаю думать, что это единственный толковый метод. Проникнуть в страну, узнать, где у него причал, и попробовать совершить диверсию.

– Займет слишком много времени, – покачал головой Граф. – Так нам и сказали, где у него причал, сколько там стоит охраны... да и стражников, небось, целая армия. На их месте я бы днем и ночью стерег столь необычное и опасное судно.

Джад хлопнул ладонью по столу:

– Вот именно!

– Ты чего бузишь? – удивленно поинтересовалась я.

– Слишком оно необычное. Ну не могли люди такое построить.

– А кто мог?

– Не знаю, – буркнул он, – марды, например.

Граф с презрительной улыбкой жеманно помахал пальцами в воздухе. Мол, марды, у которых нет доступа к морю,

которые никогда не интересовались поверхностью, вдруг создают корабль, способный бороздить океаны. Я также усомнилась в версии старпома, однако промолчала. В жизни всякое бывает.

Чертежи орудия, по чистой случайности попавшие к нам, не сохранили имя автора. Просто чертеж, и все. Жаль, сейчас нельзя сравнить – незачем таскать с собой лишние бумаги, которые всегда можно оставить дома. С тех пор, как у нас появился этот самый дом, конечно. Так вот, стиль работы похож. Куча механических деталей, без вычурностей, правда, и без родовых орнаментов – марды их очень любят. Но последнее могло объясняться тем, что отливали и собирали проект воедино все же люди.

Сотни версий, каждая лучше другой. И все бесполезны, поскольку лично мне неинтересно, какой величайший ум его создал и как сие получит развитие в дальнейшем. Мне охота его уничтожить, превратить из гордого властелина океанов в дымящиеся обломки. Думаю, сидящие за столом в данный момент со мной солидарны.

Тихо скрипнув, открылась дверь. Верная осторожности, я повернула голову, обнаружив там весьма примечательного господина. Его кожа по бледности могла сравниться со снежным покровом в середине месяца Ночи, черные с проседью волосы были зачесаны назад. Даже прилизаны. Одет в легкий черный сюртук, да и вся одежда черная, сапоги блестят, как будто он натирал их бархоткой часа три.

Странный тип. Но я повидала многих странных типов, приучена только определять, опасен или нет. Этот – нет. Безоружен, бойцом не выглядит, хоть и палица на поясе, глаза не оценили обстановку на входе. Да и взгляд вялый, заторможенный.

Может, принял чего?

– Вот зуб даю – он сейчас к нам подойдет, – поморщился Джад, проследив за направлением моего взгляда.

– Почему так думаешь?

– Нюх на различного рода вещи, которым угодно происходить вверх тормашками, – мрачно ответил он.

Чутье старпома не подвело – в самом деле, мрачный тип направился к нам. Походка тоже вальяжная, однако, аристократизма в нем не чувствуется. На всякий случай я проверила, нет ли на нем сковывающих волю заклятий. Все чисто.

– Доброго вечера, путники. Могу ли я к вам обратиться не от своего лица? – царственно произнес новоприбывший.

– Представьтесь, – сухо ответила я.

– Мое имя – Франк. Имя моего господина, что пожелал встретиться с вами – Ажой Бо Скаррав. Причина, по которой он жаждет встречи, необычайно проста. На выезде из города хозяин заметил необычный артефакт, который привлек его внимание. Он предлагает вам продать его или хотя бы дать осмотреть, за умеренную плату.

– О каком именно артефакте идет речь? – настороженно спросила я. Сухощавый, с тонкими чертами лица слуга учти-

во ответил:

– О том, что был закреплен на вашем поясе, миледи.

Я задумалась. С одной стороны, нездоровый интерес к незнакомцам просто кричит то ли об опасности, то ли о помешанности его таинственного «хозяина». С другой... мы ведь говорим о Глазе Овеам.

Разумно поинтересоваться мнением товарищей, чего уж там.

– Что думаете? – оглянулась я по сторонам. Джад с каменным лицом пожал плечами, Ксамрий нехотя произнес:

– Пару раз он и нам самим пригодился, капитан.

Но подмигнул, едва заметно. Черты лица у боцмана не слишком тонкие, скорее, он похож на молодую рыжебородую обезьяну, и подобная мимика с его стороны обычно выглядит гримасничаньем. Но Франк ничего не заметил.

Глаз Овеам – штука занятная. Единожды распознав владельца, он считает себя навсегда привязанным к нему. Или до самой смерти, подобное развитие событий мне проверить, к счастью, не удалось. Его основная ценность заключается в умении поглощать энергию из колдовства, направленного на обладателя. К сожалению, Глаз не умеет разрушать обычные вещи, например, если в меня лавочку метнут с помощью волшбы, лучше уклониться. Защитные руны в таких случаях помогают не в пример лучше. Однако с артефактом в руках можно и самой творить магию.

Невероятно полезная вещь.

А еще мы любим его продавать. Если уж делец сам алчно ищет шанс быть обманутым, я могу таковой любезно предоставить. Один щелчок пальцев – и, как далеко бы ни был артефакт, он тут же вернется ко мне.

Мужики замерли в ожидании. Еще бы, такое представление, и не то чтоб даром.

– Сегодня мы не планировали выезжать, – кивнула я, смотря Франку в глаза. Вернее, за меня смотрела личина, но что поделаешь. – Завтра, во второй половине дня наша группа будет выезжать в южном направлении. Если дождетесь нас там, можем поговорить о продаже.

Кстати, а ведь меч из йрвайского зеленого стекла тоже ведь скрыт под иллюзией. И я совершенно точно помню, что наколдовала образы себе и Графу еще мили за две до того, как мы подъехали к городу. А его господин не так и прост, следует держать с ним ухо остро. Слуга у него, что ни говори, тоже необычный: ходит мягко, почти неслышно, говорит тихо, но так, что слышат все. Тембр такой... своеобразный.

Мужчина с достоинством поклонился, произнес:

– Я передам ваши слова господину. Благодарю, что удостоили меня вниманием.

И вышел, так же мягко и неслышно, как зашел. Только снова предательски скрипнула рассохшаяся дверь.

Таверна вообще не поражала богатством – старые, почти чистые столы с вековым слоем остатков еды, который не выскребешь даже стальным лезвием, низкий потолок, тусклые

масляные лампы. Однако в городе с затейливым названием Жумейжик других не водится, увы. Была шальная мысль назваться известными путешественниками и заявиться на прием к местному царьку... здравомыслие разнесло эту мысль вдребезги. Вкусно покушать да поваляться всласть на мягких перинах – вещь неплохая, но превращать ее в цель всей жизни не стоит.

– А теперь тот же вопрос – что думаете? – повторилась я, постукивая пустой кружкой по столу. Слово взял старпом:

– Очень много непонятного. Во-первых, его «господин» с легкостью увидел тебя сквозь иллюзию. То, что он не донес страже, может быть как жестом доброй воли, так и простой неосведомленностью.

– Тоже об этом думала. Еще?

– Во-вторых, настойчивое желание посмотреть какую-то конкретную вещь может означать, что он с этой вещью хорошо знаком, по книгам или личному опыту. Я бы не стал так уж сразу давать ему в руки Глаз.

– Мне все равно, – зевнул мечник. – Сам по себе набор артефактов не делает вас сильнее, капитан.

– Да какой там набор, – возмутился старпом. – Один только.

– Мне все равно, – повторил Граф. – Если есть желание нажиться – продавайте. Если есть опасения, что вас надуют – не продавайте. Штука, о которой мы сейчас говорим, полезна. Но ведь тот парень сказал, что нам и за осмотр денег да-

дут, а несколько монет в кармане никогда лишними не будут.

– Ни отнять, ни прибавить, – подытожил Рыжий. – Дадим посмотреть, но на большее пусть пасть не разевает. Капитан, если почувствуете какой-то подвох...

Я ухмыльнулась:

– Уж в подвохах с нами никто не сравнится, Ксам. Особенно с одним рыжим типом. У него еще рожа такая наглая, как будто кур ворует по ночам и пожирает заживо.

– Не знаю насчет кур, а вот в картишки я бы сыграл, – предложил он, хитро улыбаясь. Граф только кивнул, старпом решительно отказался:

– Без меня, ребята. Я не хочу утром проснуться в одних подштанниках и понять, что Рыжий сначала выиграл все деньги у сидящих за столом, а потом пропил их не без нашего же участия.

– Одинокий голос разума в темнейшей бездне человеческой глупости! – патетически воскликнул Ксам. Но колоду все равно достал откуда-то из необъятных карманов.

Глава 6. Ажой Бо Скаррав

Каменная арка, из прихоти градостроителей облицованная по краям белым камнем, распахнутые настежь ворота, два стражника по бокам – оба, как на подбор, плечистые, массивные саррусы, недобро провожающие каждого путника глазами. Сточная канава, устланная желтой травой, небольшой, тоже каменный мостик, любовно переброшенный через нее. Морозящий дождь, выбивающий туш по крыше нашего экипажа. Вот так город Жумейжик нас проводил.

Приунывший Ксам сидел на облучке и держал поводья. Ему изменила обычная удача, и весь свой кошель боцман раздал крупными и не очень ставками. Более того, этим утром он ощутил, что Узана все еще жива, однако ее состояние далеко от хорошего. Было еще что-то, тревожное и непонятное. По крайней мере, такое мне досталось описание, и чего-то более определенного я добиться не смогла.

Что-то странное творится в Роксомме. В моей памяти все еще живы рассказы отца о том, как двадцать лет назад один колдун ради забавы напустил неизвестную чуму на город Тцоммервиль, что немного севернее от нашей цели. Могла ли Узана пасть жертвой подобного ублюдка? Могла. Знаю ли я, как лечить подобные напасти? Не-а.

Куда не поверни, всюду задница, как говаривал незабвенный Хог Смёрксон.

Джад купил не телегу, а целую кибитку – на больших колесах, с высокими бортами и металлической рамой, поверх которой натянута ткань. В месяце Дождей иметь крышу над головой – залог хорошего путешествия, да и толстые, широкие обода спасут от увязания в грязи. Лошадок старпом тоже подобрал подходящих, в меру сильных и выносливых, обе грязно-желтого цвета, как перезревшие плоды дерева амаро.

А еще мы справили фальшивые документы, удостоверения личности, поскольку без них в империи никуда вообще не сунешься. В портовые города еще можно заплывать без опаски, но, если тебя поймает городская стража где-нибудь в сердце империи, тюрьмы не избежать.

Мне не было нужды обманывать слугу. Мы в самом деле намеревались покинуть прибрежный град через южные ворота, а дальше идти прямым курсом на юго-запад, прямо до Пурпурного моря, избегая больших сел и крепостей. Да и, честно говоря, терзало любопытство. Заходило в крике и рвало прутья разума: кто, кто, кто мог обратиться с такой странной просьбой?

Черная фигура, закутанная в мешковатую робу, ждала на обочине. Завидев нас, он выпростал левую руку из рукава, приложил ее ребром к груди, особым образом согнув мизинец и поклонился. Чуть поодаль виднелась насквозь промокшая фигура Франка с большим заплечным мешком, казалось, дождь совершенно не доставляет ему неудобств. Мешок, тем не менее, из плотной кожи, со многими ремнями

и стяжками. Если на зонт или плащ у его благодетеля не хватило щедрости или денег, поклажу он повредить не рискует.

Первые черты Ажоя стали вырисовываться еще вечером того дня, однако, наблюдая почти незаметные мелочи сейчас, я смогла нарисовать в воображении человека властного, в возрасте, чрезвычайно скрытного, но не стесняющего обратиться к незнакомцам. Он должен быть неистовым приверженцем либо искуснейшего обмана, либо своего ремесла, которое заключается в...

Изучении древностей? Классификации известных Источников Силы? Воровстве?

В тем же успехом я могла бы сказать, что он любит крутить волам хвосты, а Глаз Овеам увидел случайно, во сне. И теперь жаждет выяснить все о нем, поскольку до встречи со мной он считал: то был лишь сон.

Последняя версия хороша, если не учитывать то, с какой легкостью незнакомец увидел меня без маскировки. И, учитывая, что внешний вид его не слишком отпугнул, думаю, человек он очень интересный. А его скрытность, как и все запретное, только разжигает интерес.

Ажой Бо Скаррав снял капюшон, едва я приблизилась к нему. Старпом по привычке держался рядом, но на расстоянии пяти шагов. Элементарная подстраховка.

– Леди, – почтительно наклонил он молочно-белую, без единого волоска голову.

Чем-то неуловимо напоминает Сейтарра. Возможно, под-

бородачок и речь, так бы выглядел интендант еще лет через двадцать, если б вел сытую жизнь. Одет в грязно-коричневую, мокрую от дождя настолько, что кажется почти черной, робу. Бледная, немного дряблая кожа, два крупных родимых пятна около левого уха. Левый глаз бледно-голубого цвета, правый не рассмотреть – он скрыт несколькими линзами, окованными бронзой. Какой-то сложный монокль, явно не предназначенный только для чтения.

Возможно, через него он и видит мою во всех смыслах замечательную физиономию.

– Мастер Ажой, – едва заметно кивнула я. – Нас представили, как бы это сказать правильнее... заочно. Вы знаете, кто я?

– Не уверен. Хотя готов поклясться, что где-то видел ваше лицо.

– Настоящее лицо.

– Бесспорно. Думаю, стоит упомянуть, что мой окуляр предназначен как раз для рассеивания миражей, – указал он тонким пальцем на зеленоватое стекло, по которому тут же скатилось пару капель воды. Я скусающим голосом произнесла:

– Ясно. Тогда я не буду тратить время на бессмысленные угрозы и запугивания. Скажите на милость, зачем вам вдруг понадобился Глаз? Да так, что вы ради его осмотра готовы рисковать собственной шкурой? Смею заверить, отряд я подбирала под себя. Каждый из них десятерых стоит.

– Да спасет нас Ушедший, – пробормотал он, – я и в мыслях не держал подобного. Я всего лишь хотел осмотреть ваш, как вы его назвали?.. Глаз. Повинуясь природному любопытству, так сказать.

– Подождите... вы сказали – Ушедший?

– Бесспорно, – повторил Ажой, подслеповато моргая левым глазом. Он смотрел куда угодно, но не на меня. Немного раздражает, по правде говоря.

– Эй, капитан! – крикнул Граф из повозки. – Долго вам еще?

– Пока не выясню все, что мне нужно!

А нужно мне, судя по внутреннему голосу, знать все. Без обиняков.

– Итак... кто такой Ушедший, и с чем его едят? – прямо спросила я, не тратя времени на тактичные оговорки. Пожилой мужчина ответил:

– Просто фигура речи, так сказать.

– Правую руку вы тоже скрываете ради фигур речи?

– Не всегда. Старые кости начинает ломить, когда идет дождь, вот я и...

Что-то большое и лютное зашевелилось глубоко внутри, расталкивая и распугивая остальные мысли. Не люблю, когда меня пытаются обмануть, а уж когда делают это настолько неумело...

Я рванула его за рукав, Франк, проявляя невиданную доселе прыть, побежал к нам, но жрец со странным именем,

Ажой Бо Скаррав, остановил его движением свободной ладони. На худой, даже костлявой руке виднелась огненная саламандра, свернувшаяся в яйцо, представляющем собой не что иное, как стилизованную карту Кихча с тремя материками. Татуировка казалась живой, и уж точно я смогла различить идущее от нее дуновение силы.

Что самое интересное – я отлично помнила, что обозначает комбинация двух таких символов. И жрецом его назвала не просто так.

Средний человек, обитающий в империи, раскинувшейся от края до края континента Арн-Гессен, мало что знает о богах. Главный бог Грайрува зовется звонкой монетой, и ему поклоняются все, от мала до велика. Конечно, есть всяческие тайные культы, есть привнесенные верования вроде многочисленных святилищ Корда или других богов, но, в основной массе, люди, хоббиты, саррусы здесь далеки от ритуалов и церквей.

Существует один могущественный злой бог, имя которого – в каждой бочке затычка. Проклинают его именем, пугают его именем, всякую мерзость называют его именем. Нист, Дряхлый Нист, Безумный Нист. Кстати, меня тоже время от времени величают Нистой тварью, хоть это и неправда. Под его эгидой собираются мерзавцы, именующие себя «темными жрецами», и каким-то образом действительно получают часть его сил. Тоже магия, но другая. Нет обучения, нет стандартизированных форм заклинаний, все зави-

сит только от личной мощи и связи с Темным Богом.

Таким образом, завистливый маг-недоучка может стать весьма сильным жрецом, что благополучно сказывается на его самолюбии, и почти всегда наносит непоправимый ущерб его предыдущим обидчикам, тем, кому он завидовал, а также вообще всем, кто попадет под горячую руку.

Но есть и светлые пятна.

Согласно преданиям и легендам, некогда Безумный Нист одолел и сожрал трех своих самых грозных противников. Азора Ке, владыку и повелителя пылевых демонов из другого мира со странным названием Хонсумак, Тумпфа, властителя нежити, и Лежизалья, бога тайн и астральных планов. О последнем и пойдет речь.

Сам по себе Лежизаль не был ни добрым, ни злым, но, будучи поглощенным, предоставил Темному долю своей мощи, которую тот, конечно же, не постеснялся использовать в самых гнусных целях. Тем не менее, боги просто так не умирают. Тому свидетельством культ Тайной Саламандры, представителя которого я имею честь наблюдать прямо перед собой.

Он тоже жрец, но иного рода. Поклонники Лежизалья Поглощенного на всю жизнь принимают проклятие безудержного любопытства, однако взамен получают определенного рода таланты, связанные, прежде всего, с изучением, познанием и изобретательством.

Не могу сказать, что Лежизаль – бог-механик. Тем не ме-

нее, и в сложной механике сокрыта своего рода тайна, которая чаще всего имеет соприкосновения и с магией, и с алхимией, и с металлургическим ремеслом. Можно сказать, со всеми сферами деятельности разумных рас. А бог тайн, знаете ли, очень любит тайны.

Как он, будучи сожранным, может делиться с последователями частью личной мощи? Не знаю. Боюсь, что никто не знает, кроме него самого. Для этого нужно самому обрести божественную мощь, а затем дать кому-то тебя сожрать. Не слишком веселая перспектива.

– Мастер Ажой, от меня можете не скрывать свои взгляды и приверженность всяким тайным культам.

– О чем вы говорите? – продолжал валять дурака он.

– О Лежизале Поглощенном, конечно же. Я не собираюсь поднимать крестьян с вилами и факелами в руках, и сжигать вас заживо за то, что вы якобы принадлежите Тьме.

Ажой на мгновение замер, затем прокашлялся, сказав лишь:

– О... тогда это, безусловно, меняет дело.

– Ты уверена, Тави? – настороженно спросил Джад. Я повернула голову к нему, скорчив страшную рожу:

– Думаю, нам можно не опасаться. Расслабься. Конечно же, мастер темный жрец не самое доброе существо в мире Кихча, но и добрые нередко могут причинить боль и страдания. Исключая некоторые странные привычки их секты, я бы сказала, что ему можно доверять.

– Как скажешь, капитан, – пожал плечами старпом, однако его недоверчивый взгляд все искал на Ажое место, где крупными буквами было написано «Я ПОСТАРАЮСЬ ЗАСЛУЖИТЬ ДОВЕРИЕ, НО ПРЕДАМ ВАС ПРИ ПЕРВОЙ ЖЕ ВОЗМОЖНОСТИ». К счастью, такого места ни на лысой голове, ни на темных одеждах не нашлось.

– Не будет ли дерзостью поинтересоваться, откуда вы столько знаете о нашей, эм-м... группе? – помедлив, спросил Ажой Бо Скаррав. Вздохнув, я ответила:

– Знаете ли, я книжный червь. Правда, очень агрессивный книжный червь. Когда-то я изрыла библиотеку Телмьюнской Академии на предмет дополнительной силы, и наткнулась на описание различных ритуалов, заботливо составленных неким Альфонсо Элмондо. Разделы в той книге называются бесхитростно: «Ритуалы Света» и «Ритуалы Тьмы». Честно говоря, хотя ритуал Лежизаля и описан во второй части, никаких признаков порчи я в нем не нашла.

– А дополнительную силу? – поинтересовался старпом, который не слышал эту историю.

– Тоже не нашла. Большинство ритуалов что-то дают и что-то отбирают, обычно важное и нужное, просто взять да и повесить уровень магической мощи не получится, – пожала плечами я. Давно пройденный этап жизни, наивность и безграничная вера в себя. Нечего и вспоминать.

Ажой осторожно заметил:

– Думаю, если бы подобная книга существовала, вряд ли

бы она находилась в публичном доступе, пусть даже в распоряжении весьма ограниченного круга талантливых людей.

– Тогда я об этом не думала, – хмыкнула я, опустив правую руку на пояс. – Итак, вы хотели поближе рассмотреть искомый артефакт. Что предлагаете?

Как раз тот случай, когда за «посмотреть» очень даже берут.

– Давайте начнем торги с двух золотых, – предложил он.

– Не-ет, – протянула я, насмешливо закатив глаза, – если мы начнем торги с двух золотых, их очень скоро придется закончить. Я не думаю, что даже минимальный риск осмотра того стоит.

– Четыре, – нахмурился жрец.

– Отказываюсь. Наименьшее, что я могу позволить – пятьдесят золотых, и ни монетой меньше.

– Но я ведь всего лишь собирался взглянуть...

– Откуда мне знать? Может, у вас, мастер Ажой, есть какой-то древний трюк в запасе, который позволяет обуздать силы любого артефакта себе на пользу?

Он развел руками:

– Тут вы правы. Я бы и сам не стал рисковать подобным образом. Может, у вас имеются кандалы для магов?

– Силы жрецов отличны от силы магов, – сухо заметила я. – Неизвестно, подействуют ли на вас наручники. К тому же, у нас все равно их нет.

Ажой Бо Скаррав горестно вздохнул:

– Уверяю, подействовали бы, как и на вас. Что же мне делать? В дороге я поиздержался, и сумма, находящаяся сейчас в кармане, довольно невелика. Сказать по правде, она гораздо меньше той цены, что вы запрашиваете за осмотр. И все, что можно было продать по дороге, я уже продал.

– А чем ты торговал, мужик? – снова встрял Джад.

– Различными устройствами. Видите ли, я... артефактор.

– Арте – кто?

– Артефактор, – терпеливо повторил жрец. – Такой ремесленник, который занимается конструированием различных устройств, зачастую сопряженных одновременно и с механикой, и с магией.

Старпом задумчиво посмотрел на меня, затем снова на него:

– Ага. И что ты можешь сконструировать?

– Боюсь, в данный момент – ничего, – развел руками Ажой. – У меня не осталось материалов, почти нет денег и способа добыть новых я тоже не вижу. Рассчитывал найти работу в городе.

– А культ не поддерживает своих членов?

– Нас – единицы на всю империю. Маловато для того, чтобы организовать хоть какую-то общину.

Кое-что мелькнуло в голове. Как бы теперь данную мысль облечь в искусное вранье, чтобы не вызвать подозрений. Я медленно проговорила:

– Вообще, у меня есть для тебя работа. Мне нужно взрыв-

ное устройство очень большой мощности. Такое, чтобы могло размолоть гору в пыль.

Жрец впал в прострацию. Похоже, надолго. Я уже спорила сама с собой, стоит ли пойти к телеге, взгромоздиться в сухое и относительно уютное пространство под тентом и отправиться за Узаной, как он столь же резко вышел из ступора и сказал:

– Я не только не силен во взрывчатке, но и не знаю никого из братьев, кто мог бы проверить подобное.

Жаль. А у меня был такой отличный план по уничтожению того металлического корыта. Теперь придется как-нибудь своими силами.

– Хорошо. А что ты можешь сделать? При наличии нужных материалов, конечно же.

Жрец принялся перечислять:

– Могу сделать такой окуляр, как у меня. Костровую горелку, способную днем собирать жар солнца, фальшивый каблук, что может выпускать ядовитый или сонный газ, тонар, имитирующий чужой голос, умею собирать различных механических зверей...

– Погоди, – прервала я его, понимая, что так он может перечислять еще очень долго. – Ядовитые каблуки и окуляры – это все замечательно, но для боя среди твоих артефактов что-нибудь найдется? Хотя от окуляра я бы тоже не отказалась. Если нет сырья, можешь отдать свой.

– Всего лишь за право взглянуть на предмет, который ме-

ня заинтересовал? – саркастично заметил собеседник. – Знаете, леди, хоть вы мне и не назвали своего имени, мой окуляр стоит в несколько раз дороже, чем пятьдесят золотых.

– И чем же он так уникален?

– Видите ли, он позволяет видеть... а, черт, вам это все равно ничего не скажет. Поведаю лишь, что он имеет ценность только для меня. Ни кладов, ни особого богатства или тайных знаний никому с его помощью не обрести.

Я разочарованно хмыкнула:

– Ясно. А боевые артефакты?

Он выставил ладони вперед:

– Подождите, я думаю!

– Думает он... в Грайруве шагу нельзя ступить, наткнешься на героя! Или на компанию героев. Или на наемников. Или на героев-наемников. В общем, я никогда не поверю, что стала первой, задающей подобный вопрос, – возмутилась я, и совершенно справедливо. В империи действительно от разного рода благодетелей не продохнуть. Правда, отец рассказывал, что в последние года все стали до ужаса меркантильными, и теперь герой меньше чем за определенную плату на дело не подпишется.

К нашей компании вальяжно подошел Граф и с ленцой спросил:

– Долго еще? Там Рыжий мается, что никак не поедет. Да и дождь. Охота вам вот так стоять и языками трепать?

– Погоди, «лекарь». Этот славный парень в робе говорит,

что сможет сделать нам кучу полезных артефактов, если я ему дам посмотреть на Глаз.

– Правый или левый? – с усмешкой уточнил Граф.

– Я такого не говорил! – вмешался Ажой. Его возмущенный вид красноречиво говорил, что ушастая безымянная леди слегка переоценила его обещания. – И, да, я вспомнил одну вещь. Призрачный Танцор. Но, если в Жумейжике нет бретценовской стали и призмы из гавтана, нам придется посетить Эрвинд или Телмьюн.

Фыркнув, я повернулась к Джаду:

– Слыхал? Только встретились, а уже «нам». И замахнулся не на что-нибудь, а сразу на два величайших города, что славятся своими диковинками и черными рынками артефактов. Хотя Танцора я бы взяла, кое-что слыхала о нем.

– Слава Эрвинда слишком преувеличена, – скривился Джад, не смотря на меня. Он все еще наблюдал за жрецом, готовый защитить, если тот вдруг ударит в спину. – Я все лавки обошел, но вообще ничего стоящего. Одни приворотные да от-ворот-поворотные зелья.

– Во всяком случае, с чего ты решил, что мы собираемся взять тебя с собой, любезнейший? – снова обратилась я к жрецу. – Куда бы мы ни ехали, у нас свои дела, у тебя свои.

– Видите ли... я не хочу рисковать, – осторожно ответил лысый. Франк, теперь стоящий за его спиной, хмуро кивнул. – Рисковать шансом обследовать настолько редкий артефакт, конечно же. Поэтому я смогу сопровождать вас в до-

роге и предлагаю свои умения в помощь. Замечу, совершенно бесплатно.

– В помощь ли? – с подозрением изрек старпом. Я покачала головой, тем не менее, что-то внутри жалобно пискнуло: нам пригодится любая помощь...

– Исключено. Я не приму никакой помощи от человека, который так настойчиво ее предлагает. Более того, на случай, если он пойдет по нашему следу и нападет, когда мы того не будем ждать, я бы предпочла его убить. Не делаю этого лишь потому, что, по логике, нет нужды представляться и затевать разговор с жертвой.

Жрец тяжело вздохнул. Не знаю, какие силы он в себе таит, но то, что не хочет драки, заметно.

– Что ж, спасибо за откровенность. Тогда я направляюсь...

– Капитан, – дотронулся до моего плеча Граф, – если он так хочет путешествовать с нами, свяжите его каким-нибудь из ваших, магических страшных обетов. И дело в шляпе.

О. Даже о-о-о. Когда Граф не ленится думать, я его почти люблю. Главное, ему не говорить, а то и так чересчур самовлюблен.

– Великолепно, – ограничилась я сухим комментарием. – Как доберемся до Роксомма, можешь купить себе новую рубашку в награду. С двойными кружевами.

– Денег дадите? – поинтересовался мечник.

– Не дам.

– Тогда какая же это награда?

– Обычная. За хорошую идею я наградила тебя другой хорошей идеей.

– Всегда нравилось, как она торгуется, – усмехнулся Джад. Я огрызнулась:

– Это у меня от отца. Так что скажете, мастер Ажой?

Мужчина в темных одеждах как-то затравленно посмотрел на нас. Ясное дело, что идея ему не слишком нравится. Все, без исключения, «магические страшные обеты» подразумевают либо тяжелые увечья, либо смерть. И неизвестно еще, что хуже, поскольку от некоторых, оставляющих в живых, жить потом точно не захочешь.

Так... Порочный Круг, как и Холодный Ум, запрещают разглашать чужие тайны. Не то. Великое пробуждение? Нет. Истечет бурой, вонючей слизью прямо в телеге, а потом это все отмывай? Хм-м. Клинок Осужденного или Филомантум.

– Я могу предложить два выхода. Вернее, три. Третий, и самый безопасный – мы просто разъезжаемся восвояси. Я не стану ограничивать вашу волю могущественными заклинаниями, вы не станете пытаться нас преследовать.

– Это хороший выход, – кивнул Ажой Бо Скаррав, едва приподняв уголки рта в усмешке. Вышло не слишком искренне. Артефактор, который упустит шанс исследовать действие нового артефакта, сравним с волшебником, что не обратит внимания на старинную книгу заклинаний. Не существует таких, уж поверьте моему скромному опыту. Или

они не те, за кого себя выдают.

– Судя по выражению вашего лица, он вам не слишком подходит.

– Бесспорно, однако, он может оказаться самым выгодным, – развел руками жрец. У него на пальце еще какое-то кольцо, то ли из бронзы, то ли из зеленоватого латения. Только сейчас заметила. Даже не кольцо – печатка с тусклой монограммой на черненном фоне.

– Может, – кивнула я. – Хорошо. Есть Клинок Осужденного, и существует одна вещь, редкая и сложная, называемая Филомантиум. По результату не отличаются ничем. Что первое, что второе с гарантией убивает, однако Клинок менее строг к требованиям, в то время как последний наговор зиждется на неукоснительном соблюдении формулировки с точностью до буквы.

– Тревожно.

– Еще бы. Сама никогда не соглашусь дать подобный обет, но вот принять от кого-то... – хищно улыбнулась я.

Глава 7. Некоторые незначительные детали

Как и следовало ожидать от тактичного, рационального, но преданного своему делу человека, Ажой выбрал Клинок Осужденного. Смиренно принял огненную печать на впалую грудь, молча запахнул робу и попросил освободить немного места в повозке для него или его вещей. Я не спешила записывать его в лучшие друзья, однако престарелый артефактор о подобном и не просил. Кажется, он готов ждать вечность, прежде чем получит возможность осмотреть, ощупать, обнюхать Глаз Овеам.

Или, по меньшей мере, не будет возражать, если меня убьют в трактирной драке.

Хотя клятва, данная им, исключает вероятность того, что он в подобном случае станет бездействовать, или, того хуже, помогать врагу. Сам копыта откинет прежде, чем успеет призвать на помощь сожранного бога.

Жумейжик оставил жреца очень недовольным. Ни требуемой стали, ни призмы у местных лавочников не оказалось, посему он не мог в кратчайшие сроки разрешить нашу сделку и избавиться от обета. Хотя, конечно, мастера-артефактора больше волновал Глаз и его таинственная сущность.

В любом случае, теперь мы могли ехать вместе. Насчет Франка Ажой уточнил, что любой приказ относительно нас

также будет нарушением клятвы, а по собственной инициативе бледнокожий мужчина действовать не станет. Я с самого начала видела, что он всецело подчиняется жрецу, поэтому легко поверила в его безвредность.

Приключение продолжилось, когда мы поехали дальше, на особо скользком повороте телега немного съехала вбок, и боцман, который уже передал поводья Джаду, привалился голым плечом к слуге. Отодвинулся, удивленно завопив:

– А-а-а! Ты чего холодный такой?

– То есть как это – холодный? – не поняла я сперва. Ксам дернул меня за рукав:

– Пощупай сама! Черт, какой-то могильный холод идет прямо сквозь его одежду!

Граф также насторожился и полез проверять. Правда, вместо того, чтобы щупать одежду человека в черном сюртуке, опустил ладонь на его шею. Темно-зеленые глаза мечника удивленно расширились:

– Капитан... а ведь он мертв.

Франк сидел незыблемо, смотря куда-то в тряпичную стену повозки.

В ту же секунду лезвие моего меча и длинный нож, который вечно таскает за поясом Ксам, оказались у горла Ажоя. Тот сглотнул, подняв руки вверх ладонями к нам. Я предложила:

– Уважаемый артефактор... не будешь ли так любезен рассказать нам, отчего твой приспешник внезапно оказывается

ходячим трупом? Имей в виду, истории о том, что он происходит из древнего племени, где испокон веков умели жить дольше, временно замедляя или вовсе останавливая процессы жизнедеятельности, со мной не пройдут. Ксам, полегче с ножом – он же защищаться сейчас не может, иначе точно умрет.

– Как будто меня это волнует, – прошипел боцман, мотнув головой, как отряхивающийся пес.

– Я и так не стал бы вас обманывать, – тихо сказал жрец.

– Да, вот только ты с самого начала «забываешь» сообщить нам некоторые сведения, как о себе, так и о своем спутнике. Я бы не назвала это залогом хороших отношений.

– Вы даже имени своего не назвали! – возмутился он, но быстро обмяк, понимая, что вспыльчивость может сослужить ему плохую службу. – Согласитесь, ситуация, в которой я соглашаюсь на вас работать, не зная ровным счетом ничего, обычна при заказе костюма, но не в пути. Уж точно не в пути.

– Раньше надо было думать, а сейчас это не столь важно. У нас труп в повозке. Он одет и ведет себя, как твой слуга, однако, его сердце не гонит кровь по жилам, а кожа ледяная. Как прикажешь это понимать? – Мое чувство такта, а, вернее, его полнейшее отсутствие, обычно помогает в жизни. Так и на сей раз. Смущения от того, что я кому-то не назвала свое имя, не испытываю, и пусть провалятся к демонам уроки этикета из далекого детства.

Ажой вздохнул:

– Видите ли, не все так просто. Мы исповедуем принцип Восполнимости. Поэтому после смерти мои братья имеют второй шанс на жизнь.

– Какая же это жизнь, ты, некромант убудочный? – не выдержал Ксам.

– Погодите, – мягко попросил жрец. – Каждый из нас еще при жизни дает согласие на то, чтобы быть трижды опоясанным силой Вознесения. Это хранит тело от невзгод и гниения после смерти. Если собрат по вере наткнется на умершего, он имеет право возродить его и наделить силой для дальнейшего служения Лежизалю. Более того, незадолго до смерти, если чувствуем ее дыхание на себе, мы сами стараемся сообщить об этом в... одно особое место.

– Но ведь это не воскрешение в его истинном смысле, – возразила я, переглядываясь с парнями. Истая вера – уже повод для того, чтобы считать человека ненормальным. Во всяком случае, так кажется любому грайрувцу, даже пословица об этом была, но у меня плохая память на народный фольклор.

– И здесь я соглашусь. В общепринятом смысле, это чистейшая некромантия. В случае с Лежизалем, преклонение перед ним дарует иные возможности. Фактически, в теле бывшего слуги нашего бога сейчас часть моей души, моими собственными умениями вложенная в его тело, и остатки его знаний, что не успели разрушиться в мозгу. Обычно сохра-

няется намного больше, но брат Франк, что великолепно, сохранил учтивость и манеры, присущие ему при жизни.

– Красивая сказка, – начал было Ксам, но я перебила его:

– И все же он мертвец, поднятый темным жрецом?

– Безусловно, – горестно вздохнул Ажой. – На все доводы, что он ранее дал свое добровольное согласие, мне грозят что-нибудь отрубить. В лучшем случае, в худшем – неоднократно пытались повесить и даже единожды надругаться. Но ведь и я принес подобный обет! После моей смерти кто-нибудь также заберет мое тело, и я послужу на благо своих братьев по Ушедшему.

– А Франк? Что будет с ним?

– Увы. Его тело поддерживает исключительно частица божественной мощи, переданная через возложение рук. Когда я умру, он сгинет. Рассыплется черным пеплом и белым огнем, не слишком приглядная судьба.

– Как и любая тварь Ниста, верно?

– Верно. Но... честно говоря, у нас не слишком жалуют Пожирателя. А его слуг и демонов стараются убивать при встрече, – робко пояснил жрец.

– Весь мир так делает, – подал голос Джад, не поворачиваясь к нам. Его голос заглушил тяжелый, промокший капюшон накидки. – И, честно говоря, я вижу в этом самое большое единство и здравомыслие, которое только могут проявить вечно сражающиеся друг с другом государства и расы.

– Я также предлагаю не враждовать, а сотрудничать.

– Понимаешь, Ажой, весь вопрос в том, что вот так вот запросто мы тебе довериться не можем. Даже несмотря на смертоносную печать – вдруг у тебя есть какое-то могущественное колдовство, позволяющее избавляться от подобных цепей.

– Любезнейшая, если бы я хотел вас убить (что мне, как понимаете, в обычной жизни не присуще), я бы нанял профессионалов своего дела, а не старался сделать бы это голыми руками, и уж точно втираться к вам в доверие посчитал бы лишним, – раздражительно заметил жрец, пальцами отводя от себя сталь. – Тем более что сам я вызываю слишком много подозрений, говоря начистоту.

Я вздохнула и вложила меч в ножны. Можно долго толковать о многоуровневом обмане. Но, если человек сам позволил окружить себя опасным заклинанием, он допустил непозволительный для подобного дела риск. А то, что жрец явно ненормален... что ж, все мы не без крупинки сумасбродства в голове.

– Ажой Бо Скаррав, пока что вы остаетесь в моем отряде. Парни, жреца не обижать – кого замечу за порчей его вещей или угрозами, сама прибью на месте, – сказала я, снова привалившись спиной к груде заплочных мешков. – Меня зовут Тави. Я капитан корабля под названием «Храпящий» и предводительница этой очаровательной банды остолопов.

– Королева всей окрестной нечисти, почти супруга влиятельного монарха, Морская Ведьма, разыскиваемая в четы-

рех крупнейших государствах преступница, – почтительно дополнил боцман. Не ухмыляется, как обычно – знаю, что его гложет. Повседневными шуточками Ксам пытается спастись от неизвестности, тут к гадалке не ходи.

Несмотря на то, что за время плавания его больше не корчило в муках, он иногда жаловался на неясные ощущения, которых раньше не было. Смутное беспокойство в моих мыслях так и не переросло в что-либо конкретное. Доберемся – увидим, узнаем, что с его сестрой внезапно случилось.

– Теперь я вспомнил! – просветлел лицом темный жрец. – Я видел ваше лицо на розыском плакате. Император готов заплатить за вашу голову двести пятьдесят тысяч варангов, вы знали об этом, леди Тави?

– Капитан, – поправила я его. – «Ледей» не держим. Хотя при посторонних придется вам все же именовать меня «леди». А мне, соответственно, терпеть.

– В начале года было сто. Растешь, – хмыкнул Джад.

– Так куда вы направляетесь, если не хотите ехать ни в Телмьюн, ни в Эрвинд? – поинтересовался Ажой, сухощавыми пальцами поправив капюшон своей робы.

– К Пурпурному морю.

– О-о-о. А зачем?

– Долгая история. Если вкратце, чуть дальше на юго-запад живет угроза для здоровья и жизни вот этого рыжего господина, которая, по совместительству, является его сестрой.

– Ажой, – обратился к нему Граф, – вы, случайно, ничего

не знаете о новых кораблях военного флота Грайрува или Аргентау?

Жрец подслеповато моргнул видимым глазом, затем сокрушенно развел руками:

– Я имею стремление быть всячески полезным, раз уж заключил с вами договор, однако никогда не интересовался межгосударственными отношениями.

– А Франк?

– Он... вообще мало чем интересуется.

Слуга только кивнул в знак подтверждения.

– Попытаться стоило, – пожал плечами Граф и прикрыл глаза. Я окликнула его:

– Эй, эй, ты что, спать собрался?

Тот обескураженно ответил:

– Да. Нельзя?

Здесь необходима порция разъяснений. Проблема в том, что Ульгем, он же Граф, может спать в любых условиях, и делает это со всем тщанием. Если бить над его ухом в медные литавры и попутно играть на трубе военный марш – боюсь, мечник только перевернется с боку на бок.

Вернее, само по себе это бы не было проблемой, если бы его храп не напоминал рычание древнего чудовища. Тому виной огромный нос, который действует подобно хорошей звуковой камере, отражая и многократно усиливая тот шум, что производит наш лекарь во время сна. По крайней мере, так обстоятельно мне рассказывал Сейтартр.

– Можно, – вздохнула я. – Только мешками обложись, а то лошади пугаются.

В повозке тесно, но разместиться есть где, даже для шестерых человек. Ладно, кого я обманываю – пять человек и один живой мертвец. Наверху бывший хозяин приколотил железные крючки, на которые можно повесить бурдюк, оружие или заплечную сумку, а поверх дуг из стальных прутьев натянут непромокаемый тент из парусины. Только возница мокнет. Тем не менее, мы прихватили с собой плотные накидки, что защищают от дождя.

Сырость превратила всю плодородную почву в полужидкую кашу, но, хвала неведомым богам, здесь местность несколько иная, чем в гиблых лесах к югу от столицы. Большая часть территории королевства с ныне забытым названием, посреди равнин которого возвышается единственное плато с расположенной на ней крепостью Дилленбрехт, сложена из сухой, каменистой земли. Недаром Северный тракт империи проходит гораздо западнее – здесь дороги не слишком-то нужны.

В дополнение к дождю, через пару дней с моря пришел туман, который тут же укрыл все вокруг белым полупрозрачным одеялом. Можно, конечно, достать компас, но я явственно ощущаю местонахождение ближайшей точки Ан – путеводного светила любого мага. Да и Джада обучила, благо, умение не слишком сложное даже для начинающего.

Точки Ан, возможно, и исполняли какую-то роль, кроме

ориентиров на местности, однако она затеряна в глубинах тысячелетий. Так называемых «устных» тысячелетий, когда история передавалась от существа к существу, когда даже в виде планов или набросков не существовала великая летопись Грайрува. Вокруг мест, давно обозначенных на картах, регулярно собираются курсы Академии, изучают, а волшебники постарше пишут семимильные трактаты. Тщетно. Секрет, если он и был, утерян.

Сам Дилленбрехт мы, конечно же, объехали стороной. Войти туда довольно просто, а вот выйти – уже проблема. Город кишит не только солдатами, но и служащими Тайной Канцелярии, которых я справедливо опасюсь гораздо больше, чем честных служак. Это не то чтобы общеизвестный факт, но Алатор, сам бывший агент, как-то обмолвился, что нигде нет такого количества их людей, как в двух южных городах-крепостях.

Второй – Беккерштерн, от нас он намного западнее, у самой границы с Ургахадом.

Судя по слухам, там еще хуже.

Поэтому придется выискивать небольшие деревеньки, пользоваться личинами, хитрить и вынюхивать. Темный жрец не прибавит нам доверия в глазах простого народа, об этом я сразу не подумала, но теперь отказывать глупо. Тем более, он и в самом деле кое-что умеет. О Призрачном танцоре я слышала мало, по правде говоря. То ли это штука, которая создает двойника, то ли она видоизменяет чер-

ты внешности... в любом случае, выторговать несколько таких будет полезно, прежде всего, для команды. Подобные устройства на дороге не валяются.

В таком случае я действительно смогу доверить Глаз артефактору для дальнейшего изучения. Возможно, он даже расскажет мне о свойствах, которых я не знаю, но тут уже как торг пойдет.

– Тави! – раздался окрик Джада, явно чем-то обеспокоен.

Я очнулась от полудремы, пробралась между раскинувшихся ног вперед. Старпом дотронулся до моего плеча и этой же рукой показал куда-то вбок, второй продолжая сжимать поводья. Пальцы побелели, что-то явно не то.

Взгляд упал на толстое бревно, лежащее посреди равнины. Дождь барабанил по гладкому стволу, такое впечатление, что кто-то вез лес от моря в огромной повозке. И тут бревно пошевелилось. Я высказалась ну совсем уж нелицеприятно, даже бывалый старпом поморщился.

Змея! Толстая, длинная, едва ли не с нашу шхуну размером. Не ползет, просто лежит на месте, только короткий и толстый хвост подергивается из стороны в сторону. Морды отсюда не видно. Присмотревшись, можно различить окрас – янтарно-желтый, в черных ромбах, опоясанных светло-коричневой линией. Кое-где шкура облазит, поэтому вначале и приняла пресмыкающееся за бревно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.